

Минобрнауки России
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)

ЧЕЛОВЕК КУЛЬТУРА ОБРАЗОВАНИЕ

Научно-образовательный и методический журнал

№ 2 (24) 2017

Сыктывкар
Издательство СГУ им. Питирима Сорокина
2017

Научно-образовательный и методический рецензируемый журнал
Учредитель и издатель — федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55)

12+

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС 77-68795 от 17.02.2017 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Журнал зарегистрирован в РИНЦ
(регистрационный номер 261-06 от 02.07.2012 г.)
Выходит с 2011 г.*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Балсевичуте-Шлякене Виргиния, д-р гуман. наук, профессор, профессор Вильнюсского государственного педагогического университета (Литва, Вильнюс)

Бразговская Елена Евгеньевна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Россия, Пермь)

Гончаров Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор, президент Научно-образовательного культурологического общества, заведующий кафедрой ЮНЕСКО Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Гурленова Людмила Викторовна, д-р филол. наук, профессор, директор института культуры и искусства Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар)

Жеребцов Игорь Любомирович, д-р исторических наук, старший научный сотрудник, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Россия, Сыктывкар)

Зюев Николай Федосеевич, д-р философ. наук, доцент, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, сотрудник Масси Колледж, Торонто, председатель комитета по образованию общества «Little Russia» (Канада, Торонто)

Люсий Александр Павлович, канд. культурологии, доцент, старший научный сотрудник Института природного и культурного наследия имени Д. С. Лихачева (Россия, Москва)

Мосолова Любовь Михайловна, доктор искусствоведения, профессор, зав. кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург)

Муравьев Виктор Викторович, д-р философ. наук, доцент, профессор каф. культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар)

Сергиева Наталья Станиславовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры русской и общей филологии, научный сотрудник Департамента научной и проектно-инновационной деятельности Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар)

Сулимов Владимир Александрович, д-р культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар)

Сурво Арно, д-р философии, профессор, научный сотрудник кафедры фольклористики гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки)

Сурво Вера Викторовна, д-р философии, профессор, исследователь кафедры этнографии гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки)

Тульчинский Григорий Львович, д-р философ. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург (Россия, Санкт-Петербург)

Фадеева Ирина Евгеньевна, д-р культурологии, профессор, зав. кафедрой культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар)

Шабаев Юрий Петрович, д-р ист. наук, профессор, зав. отделом этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Россия, Сыктывкар)

Шапинская Екатерина Николаевна, д-р философ. наук, профессор, зам. руководителя Экспертно-аналитического центра развития образовательных систем в сфере культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева.

Редакция журнала

И. Е. Фадеева, В. А. Сулимов, В. В. Муравьев, О. В. Золотарев.

Главный редактор И. Е. Фадеева

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Мазур Виктория Васильевна, начальник отдела планирования организации научно-исследовательской деятельности Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Гудырева Любовь Васильевна, канд. филол. наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга; руководитель издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Руденко Людмила Николаевна, зам. руководителя по издательской деятельности издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Вокуев Николай Евгеньевич, канд. культурологии, доцент кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Адрес редакции: 167001, Республика Коми,
г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55а.

Подписной индекс журнала Е34110, каталог «Почта России» 78782.

Подписка через сайт «Пресса по подписке» www.akc.ru.

Свободная цена

Стоимость подписки 618 руб. на полгода.

© ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Культурология

- Вокуев Н. Е.** Культура как «интеллектуальный отбеливатель» и излишек: об особенностях культурной журналистики в постсоветской России
Vokuev N. Ye. Culture as “intellectual whitener” and surplus: on the features of cultural journalism in post-Soviet Russia.....6
- Волокитина Н. А.** Традиционная культура на современном этапе: направления и формы воспроизведения (на примере Республики Коми)
N. A. Volokitina. Traditional culture on the modern stage: directions and forms of reproduction (on the example of Komi Republic)21
- Габова М. В.** Визуальная культура современного общества (опыт типологии)
Gabova M. V. Visual culture of modern society (experience of typology).....30
- Есева О. В.** Совесть и ее влияние на развитие духовно-нравственного начала в человеке
Eseva O. V. Conscience and its influence on development of the spiritual and moral beginning in the person41
- Золотарев О. В.** Развитие народного образования в Коми республике в советской историографии
Zolotarev O. V. The evolution of public education in the Komi Autonomy in the Soviet Historiography.....49
- Сулимов В. А.** Апофеоз воли: человек в интеллектуальной культуре современности
Sulimov V. A. The apotheosis of the will: a man in the intellectual culture of our time.....60

Педагогика

- Васильев П. В.** Преемственность подходов к пониманию сущности педагогического взаимодействия в педагогической теории и практики 20-х гг. с дореволюционной педагогикой
Vasilyev P. V. Continuity of approaches to understanding of essence of pedagogical interaction in the pedagogical theory and practice of the 20th with pre-revolutionary pedagogics.....69
- Гурленов В. М.** Мышление и речемышление в обучении иностранным языкам
Gurlenov V. M. Thinking and verbal thinking in teaching foreign languages.....76

Максимова Е. В. Социокультурная реабилитация, адаптация и интеграция лиц с ограниченными возможностями здоровья: теоретико-методологический аспект	
Maksimova E. V. Socio-cultural rehabilitation, adaptation and integration of persons with disabilities: theoretical and methodological aspect.....	85
Мальцева В. А. Развитие навыков письменной речи как одно из условий формирования профессиональной компетенции на русском языке как иностранном	
Maltseva V. A. The Development of Writing Speech Skills as One of the Conditions for Forming Professional Competence in the Russian Language as Foreign One	100

Обзоры и рецензии

Веретенко В. А., Зезегова О. И. Экстремальное в повседневной жизни населения России: об итогах международной научной конференции 16—18 марта 2017 г. (Санкт-Петербург, г. Пушкин)	
Veremenko V. A., Zezegova O. I. Extreme in everyday life of the population of Russia: outcomes of the international scientific conference on March 16—18, 2017 (Saint-Petersburg, Pushkin)	107
Авторы выпуска	116

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

Н. Е. Вокуев

Культура как «интеллектуальный отбеливатель» и излишек: об особенностях культурной журналистики в постсоветской России¹

Статья посвящена истории и особенностям культурной журналистики в постсоветской России на примере ежедневной газеты «Коммерсантъ». Изменения, происходившие в отделе культуры этого издания, рассматриваются в контексте истории других российских изданий и тенденций, выявляемых в культурной журналистике зарубежными исследователями.

Ключевые слова: культурная журналистика, арт-критика, культурные посредники, «высокая» культура, популярная культура.

N. Ye. Vokuev. Culture as “intellectual whitener” and surplus: on the features of cultural journalism in post-Soviet Russia

The article deals with history and features of cultural journalism in post-Soviet Russia, considering the example of daily newspaper Kommersant. The author examines the changes in the work of its culture department in the context of history of other Russian publications and of trends in cultural journalism identified by foreign scholars.

Keywords: cultural journalism, art-criticism, cultural intermediaries, “high” culture, popular culture.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта № 17-13-11003 а/р РФФИ при финансовой поддержке РФФИ и Республики Коми.

Журналисты, пишущие о культуре, едва ли могут похвастаться привилегированным положением в профессиональном сообществе. Еще в 1830 году А. С. Пушкин уверял П. А. Вяземского: «...чисто литературной газеты у нас быть не может, должно принять в союзницы или Моду, или Политику» [11, с. 214]. С тех пор влияние массмедиа на культуру значительно возросло, однако культурная тематика в СМИ по-прежнему маргинализована. Последствия финансовых трудностей в журналистской среде нередко первыми испытывают на себе отделы культуры и издания о культуре, оптимизируемые «за нерентабельностью» [10].

Прекарное положение культурных журналистов усугубляется общим кризисом легитимности финансирования культуры [18] и неолиберальной политикой, переводящей культурные институции на самокупаемость. Не стоит забывать и о коммуникационном изоляции, лишаящем журналистов и критиков прежних преимуществ перед аудиторией. Все эти факторы ставят их перед необходимостью поисков легитимации собственной профессии, обратной стороной которых становятся бесконечные споры о кризисе профессиональной кинокритики, музыкальной критики и т. д.

Культурная журналистика занимает маргинальное положение не только в профессиональном поле, но и в исследованиях медиа и журналистики, традиционно отдающих предпочтение новостным и общественно-политическим СМИ. Классические теории — рассматривают ли они журналистов как «четвертую власть», «сторожевых псов», охраняющих интересы общества, или манипуляторов, формирующих повестку дня, — почти ничего не говорят о специфике культурной журналистики. То же самое касается работ по истории журналистики, как правило акцентирующих ее новостную и политическую составляющие. Между тем немногочисленные исследования о журналистах, специализирующихся на культуре, показывают, что они представляют собой отдельную профессиональную субкультуру [16; 21].

В этой статье мы обратимся к истории культурной журналистики в постсоветской России на примере раздела «Культура» в ежедневной газете «Коммерсантъ-Daily» (с 1998 года — просто «Коммерсантъ») и определим, насколько она вписывается в тенденции, выявляемые исследователями культурной журналистики в других странах.

1993—1996 годы: «быть от народа подальше»

Деловая газета «Коммерсантъ» была основана журналистом Владимиром Яковлевым в конце 1989 года. Спустя три года еженедельник прирос англицизмом *daily* и стал выходить каждый день со вторника по субботу. И хотя целевой аудиторией «Коммерсанта» с самого начала были бизнесмены, а основным содержанием — новости экономики и финансов, именно в этой газете складывался новый язык культурной журналистики [4, с. 61]. Заслуга в том принадлежала кинокритику и публицисту Александру Тимофеевскому. После того как в одном из номеров журнала «Столица» за 1991 год вышла его рецензия на «Коммерсантъ», Яковлев нанял Тимофеевского внутренним критиком газеты. В ней он проработал до 1997 года, участвуя в формировании ее стиля и время от времени публикуя собственные тексты: статьи о творчестве крупных режиссеров вроде Пьера Паоло Пазолини и Райнера Вернера Фасбиндера, а под конец — обзоры культурных событий за неделю и политических телевизионных шоу.

Александру Тимофеевскому принадлежит идея «Коммерсанта» как «газеты долженствования»: на ее страницах создавался образ респектабельного бизнесмена, не имевший ничего общего с представителями народившегося в 90-х класса нуворишей. Как пояснял сам Тимофеевский, газета «задумывалась как издание в некотором смысле идеальное, рисующее образ жизни и тип мироощущения, которые ДОЛЖНЫ БЫТЬ и которым НУЖНО СЛЕДОВАТЬ» [13]. В предложенной им концепции либерально-консервативного ежедневника культура представляла фундаментальной и лишенной «желтизны и поповости»: «Она, безусловно, должна быть выше читательских представлений о том, что такое культура. <...> В толстой буржуазной газете культура есть слагаемое престижа. Она может выглядеть в известной степени эзотеричной и даже, если хотите, не всегда понятной ...» [13].

Первые номера «Коммерсантъ-Daily» проникнуты духом эксперимента, поиском нового языка и стиля. Выпускающие редакторы адресуют читателям короткие послания на первой полосе и обращаются к ним от первого лица в подводках к текстам. «Коммерсантъ» вводит в практику ссылки на экспертное мнение, причем анонимные эксперты издания не только комментируют, к примеру, хронику

торгов на валютной бирже, но и прогнозируют успех фильма в прокате или произведения искусства на аукционе. Раздел «Культура», занимавший в это время от одной до трех полос в номере, с самого начала обладал выраженным культуртрегерским характером: читателям рассказывали об особенностях творчества Питера Гринуэя и Карлхайнца Штокхаузена; рецензии сопровождалась просветительскими врезками о том или ином авторе либо явлении. В то же время с этих полос спорадически напоминала о себе и популярная культура — не только субботными обзорами американских блокбастеров, вышедших в российский видеопрокат, но и заметками о шоу-группе «Доктор Ватсон», Борисе Моисееве, Сергее Пенкине и сериале «Просто Мария». Недовольный работой отдела культуры Тимофеевский вскоре добился его расформирования.

В обновленном разделе «Культура» прогнозы анонимных экспертов окончательно сменяются субъективными оценками конкретных критиков, специализирующихся на конкретных видах искусства. Постепенно в «Коммерсанте» формируется теперь уже легендарный пул авторов: Екатерина Деготь пишет о современном искусстве, Аркадий Ипполитов — о классическом, Петр Поспелов — об академической музыке, Роман Должанский — о театре, Андрей Плахов — о фестивальном кино. В июле 1993 года отдел культуры возглавляет архитектурный критик Алексей Тарханов, который переживает в «Коммерсанте» не одного главного редактора.

При Тарханове раздел становится бастионом «высокой» культуры. Популярной культуре в нем уделяют внимание в исключительных случаях, вроде концерта Майкла Джексона в Москве или церемонии вручения наград «Грэмми», либо подвергают ее культурологическому анализу (эссе Екатерины Деготь о журнале «Птюч» в № 156 за 1996 год). Статьи авторов раздела пишутся ярким, но часто герметичным языком (как, например, публикации балетного критика Павла Гершензона) и иногда занимают всю страницу — особенно в субботних номерах, где под культуру выделяется три полосы.

В газете печатаются не только профессиональные критики и журналисты, но и ученые: в разное время в разделе «Культура» выходят статьи философов и культурологов Михаила Ямпольского, Олега Аронсона, Михаила Рыклина. Читателей знакомят с философией Делеза, Бодрийяра, Фуко и Деррида. Алексей Тарханов публи-

кует в «Коммерсанте» отрывки из книги Поля Вирильо «Бункер: археология» (№16 за 1994 год). Отдел культуры существует по своим, отличным от других отделов редакции законам и нередко печатает статьи без информационного повода. Их авторы пытаются разглядеть за деревьями лес: критик Майя Туровская пишет о «мелодраматизации мироощущения» (№ 149 за 1993 год), писатель Николай Климонтович — об особенностях отечественной журналистики (№ 15 за 1995 год), культуролог Михаил Эпштейн — о возвращении ангелов и постмодернистской религиозности (№ 34 за 1996 год). А на соседних полосах в это время ведутся хроники политических кризисов и мелькают фотографии жертв криминальных разборок и заказных убийств.

«В какой-то момент культуре разрешили все: там царила полная, сокрушительная свобода, — вспоминает об этом времени Александр Тимофеевский. — Обычно вставляемые палки в колеса — будьте ближе к народу — здесь, наоборот, вынули. Задача была прямо противоположная: быть от народа подальше» [4, с. 65].

1996 год стал кульминацией искусствоведческого и культурологического интеллектуализма в «Коммерсанте». С повышением удельного веса культурной тематики в газете увеличилось и жанровое разнообразие в ее освещении. Так, в каждом субботнем номере целая полоса отводилась под интервью с деятелями культуры. В том же году Алексей Тарханов занял должность заместителя главного редактора газеты, а отдел культуры перешел под руководство критика Ларисы Юсиповой.

1997 год — настоящее время: упрощение и усыхание

Новый 1997 год «Коммерсантъ» встретил с новыми дизайном и главным редактором — Рафом Шакировым. В обновленной же концепции газеты неожиданно не нашлось места «Культуре». Сменивший ее раздел «Общество» занимал в каждом номере две полосы — не так много места, учитывая, что в газете увеличились фотографии и заголовки. При этом трудились над ними те же авторы, что прежде работали над разделом «Культура». Но постепенно материалы, посвященные культуре, становились менее эзотеричными и разбавлялись социальной тематикой: результатами соцопросов, ста-

тъями об обманутых вкладчиках, призыве на военную службу, московских хосписах. Взятый Рафом Шакировым курс на упрощение проявлялся не сразу. Отдел культуры какое-то время продолжал работать по-старому и в № 22 за 1997 год, к примеру, опубликовал отрывки из «Московского дневника» Вальтера Беньямина с комментариями Михаила Рыклина.

Примечательно, что в газете при этом сосуществовали два отдела — общества и культуры. В июне 1997 года эти противоречия разрешились, и в «Коммерсантъ» вернулась рубрика «Культура». Однако в коллективе к тому времени уже назрело недовольство новой редакционной политикой. В результате из «Коммерсанта» ушли Александр Тимофеевский, Петр Поспелов, Лариса Юсипова, публицист Максим Соколов и многие другие авторы. Некоторые из них будут работать в новой газете «Русский телеграф». Как вспоминал об этом Тимофеевский: «Рафова арифметика свое дело делала, газета неуклонно упрощалась, это стало бросаться в глаза. И тогда к бесшумному первому заместителю главного редактора при всех главных редакторах Daily Леониду Злотину обратились потанинские¹ люди с предложением выпускать ту газету, которая была раньше. Мол, начальство ваше хочет, чтобы вы портились, а мы, читатели, не хотим. Денег у нас тьма, уходите, спасайтесь, забирайте кого хотите, делайте что хотите» [4, с. 66].

В начале 1998 года Алексей Тарханов вновь занимает в «Коммерсанте» должность руководителя блока культуры, в которой он проработает до 2013 года. Раздел «Культура», несмотря на упрощение, остается при нем образцовым для отечественной культурной журналистики. Конкурирующие отделы в газетах «Ведомости» и «Время МН» (переименованной впоследствии во «Время новостей», а затем — в «Московские новости») работают по разработанной «Коммерсантом» модели, и трудятся в них бывшие коммерсантовские авторы. В 2000 году Алексей Тарханов дает интервью Ольге Кабановой, несколько лет проработавшей под его началом в «Коммерсантъ-Daily», где утверждает: «...в нашей модели с нами соревноваться бесполезно. Мы ведь покрываем больше событий, у нас 10—11 полос в неделю — око-

¹ Имеется в виду олигарх Владимир Потанин, основатель и президент инвестиционной компании «Интеррос», в тот момент также занимавший должность первого вице-преьера в правительстве РФ.

ло 6 тысяч строк или 200 машинописных страниц. И это только в газете, не считая еженедельников. Такой роскоши ни у кого нет, кроме «Независимой газеты» с ее приложениями» [5].

В то же время подход к культурной журналистике в «Коммерсанте» постепенно меняется. В «нулевые» годы в нем публикуется больше материалов, посвященных популярной музыке. В упомянутом интервью Алексей Тарханов рассказывает, что главный редактор газеты Андрей Васильев «настоял на новых темах», т. е. «попсе», а также признается: «Я хочу, чтобы в газете можно было прочесть обо всем или почти обо всем, что происходит в культуре. Причем прочитать на следующий день, а не через неделю после события. Я теперь не готов жертвовать новостями ради нетленки. Ей придется ждать тихого дня без новостей» [5]. Коммерсантовский отдел культуры, можно сделать вывод, уже не пренебрегает популярной культурой и информационными поводами и разделяет профессиональные ценности с другими журналистами издания. Как отмечает тогда же Ольга Кабанова, «с артистизмом, стилем, умом и неординарностью своих отделов культуры борется руководство всех газет. Умеренность, аккуратность, оперативность и пресность побеждают на всех полосах» [6].

На протяжении нескольких лет раздел «Культура» выходит на двух страницах, пока в 2008 году не «усыхает» до одной, с двумя полосами по средам в качестве исключения. В 2011 году и этому исключению приходит конец. Сегодняшний же «Коммерсантъ» и вовсе может ограничить раздел четырьмя полосами в неделю: на фоне падающих доходов от рекламы экономить предпочитают на культуре.

Культурная журналистика в 90-х: причины расцвета

«Коммерсантъ», разумеется, был не единственным ярким феноменом в культурной журналистике 90-х годов. Раздел «Искусство» запущенной в феврале 1993 года газеты «Сегодня» по интеллектуальному уровню не уступал коммерсантовскому разделу «Культура» и превосходил его в экспериментальности. Если команда Алексея Тарханова, по замечанию Ольги Кабановой, предпочитала «сухость, культуртрегерство и умствование», то возглавляемый Борисом Кузьминским отдел искусства делал ставку на «мистификацию, артистизм и декаданс» [6].

Обозреватели этого отдела экспериментировали с форматами и жанрами, что часто делало эту рубрику герметичной и непонятной для других журналистов издания. Как вспоминает кинокритик Максим Андреев, «...мы занимались настолько странными, неожиданными вещами, что иногда слова заканчивались. Периодически я Юле Бедеровой¹ говорил: да пиши ты уже нотами — ты же умеешь! Но она так ни разу и не написала, хотя очень хотела. А я, поскольку неплохо играю в шахматы, дважды писал кинорецензии шахматными этюдами» [4, с. 80]. По словам другого бывшего сотрудника «Сегодня», литературного критика Вячеслава Курицына, название рубрики — «Искусство» — уже воплощало в себе постмодернистскую идею «стирания разницы между текстом художественным и текстом нехудожественным» [4, с. 78], идею журналистского текста как произведения искусства².

Расцвет культурной журналистики в России 90-х годов можно связать с резко возросшим предложением и разнообразием продуктов культуры, в котором читателя нужно было сориентировать. В то же время из-за инфляции и сокращения государственного финансирования существенно снизились зарплаты научных сотрудников и преподавателей вузов. Многие ученые уходили в бизнес, некоторые — в журналистику. Театральный критик Марина Давыдова пишет: «Вчерашние литературоведы, киноведы и театроведы, превратившись в штатных обозревателей ежедневных газет и еженедельных журналов, учились (и многие таки научились) писать оператив-

¹ Юлия Бедерова — музыкальный критик, в разное время сотрудничала с «Сегодня», «Русским телеграфом», «Коммерсантом», «Независимой газетой» и другими изданиями.

² Эксперименты авторов газеты «Сегодня» принято проводить по ведомству постмодернизма. Однако философ Борис Гройс полагал, что их критическая парадигма не имела с ним ничего общего: «Основная ориентация этой критики — программный эстетизм, то есть убеждение в том, что искусство функционирует как система текстов, визуальных знаков и т. п., могущих оцениваться исключительно как ходы в автономной эстетической игре. <...> Эстетизм — это тема Брюсова, Блока, тема всего русского “серебряного века”. Именно тогда оформился и был тематизирован протест против морального и социально-политического контроля над культурой, который еще раньше намечался в лозунге “чистого искусства”. И я бы сказал, что критика газеты “Сегодня” — это критика с позиций “серебряного века” и внутри идеологии “серебряного века”» [1, с. 38—39].

но, доступно, укладываясь в строкаж, но стараясь не понижать при этом градус интеллектуальной мысли. Количество кандидатов и даже докторов наук, коими начиная с 90-х были укомплектованы отделы культуры, поражает воображение» [2].

«Коммерсантъ» и «Сегодня» выгодно отличались от других изданий уровнем зарплат своих сотрудников. По воспоминаниям Александра Тимофеевского, Владимир Яковлев «всегда очень щедро платил»: «Договариваясь со мной, он назвал сумму, раза в четыре большую, чем я получал в “Московских новостях” и в “Столице” вместе взятых. Я с трудом скрывал приятное свое изумление, а он продолжил: “Это на жизнь, а еще мы будем платить вам одну тысячу долларов. Это для накоплений”. Одна тысяча долларов тогда была — как сейчас двадцать» [4, с. 62].

Самые высокие оклады были у журналистов «Сегодня» — газеты медиамагната Владимира Гусинского, владевшего акционерным обществом «Группа “Мост”». Вот что рассказывает Борис Кузьминский: «Помню, в середине 90-х такие толстые пачки денег. Я, наверное, получал миллионов пять. У нас были развязаны руки: когда появлялся хороший автор, мы его немедленно привязывали к себе, сажали на достаточно большие деньги — независимо от того, сколько он писал» [4, с. 75]. В какой-то момент в отделе искусства работало 13 обозревателей.

Филолог и журналист Глеб Морев в своих заметках об интеллектуальных медиа 90-х годов резюмирует: «Уникальная для России ситуация конвертации символического капитала в экономический не только позволила привлечь в буржуазные массмедиа лучших аналитиков и писателей по вопросам культуры, но и способствовала резкому повышению статуса газетного автора/текста в обществе» [8, с. 392]. Газетный текст, по его словам, переместился из культурной периферии в центр: на страницах изданий вроде «Коммерсантъ-Daily» и «Сегодня» «проговаривались существеннейшие для современной культуры вещи, и сами авторы с большим или меньшим основанием ощущали свои статьи не как сиюминутный информационный отклик на то или иное событие, но как тексты, заслуживающие лучшей, нежели уготованная газетному листку, участи...» [8, с. 392—393].

Однако реализованный в этих изданиях подход к культурной журналистике вступал в противоречие с прагматикой газетного тек-

ста. Их целевая аудитория едва ли обладала общими с их авторами культурными кодами, необходимыми для восприятия этих сообщений. Полноценный коммуникационный акт, таким образом, не складывался, а аудитория распадалась на малочисленную группу гуманистариив, способных декодировать эти тексты, и на основную массу читателей, для которых полосы «Культура» и «Искусство» оказывались непроницаемыми. К этой основной массе, предполагает Глеб Морев, относились и владельцы изданий.

Раздел «Искусство» в газете «Сегодня» был закрыт в 1996 году, незадолго до того, как «Коммерсантъ» взял курс на упрощение. Владимира Гусинского перестало интересовать подчеркнуто респектабельное, элитарное издание. Дмитрий Остальский, главный редактор «Сегодня» с 1993 по 1996 годы, связывает это с удачно завершившимися выборами Бориса Ельцина и убыточностью газеты [4, с. 73]. Новый редактор, Михаил Бергер, должен был вывести ее на эффективность. Газету «Сегодня» закрыли в 2001 году, когда был ликвидирован холдинг Гусинского «Медиа-Мост».

Тенденции в культурной журналистике

Печальная участь постигла отделы культуры и в других упоминавшихся выше газетах. Летом 2012 года был ликвидирован отдел культуры в «Московских новостях» (сама газета прекратила свое существование в январе 2014 года). В июле 2014 года закрылось пятничное приложение к «Ведомостям», в котором много места отводилось обзорам культурных событий.

Сокращение полос, посвященных культуре, и специализирующихся на ней штатных сотрудников в качественной прессе — ситуация не уникальная. Об аналогичных тенденциях пишут и американские авторы: владельцы изданий, в том числе респектабельных, вроде *The New York Times* и *Los Angeles Times*, предпочитают экономить на литературе и искусстве. При этом раздела «Спорт» политика жесткой экономии касается в меньшей степени¹. Ситуацию не спасает запуск в интернете новых медиа-проектов, целиком посвященных

¹ Об этом пишут, к примеру, музыкальные критики Джед Готтлиб и Алекс Росс [15; 20].

культуре. Круг их читателей значительно меньше аудитории национальных газет, а значит, можно говорить о маргинализации культурной журналистики.

Исследователи европейской прессы выделяют такие порой взаимоисключающие тенденции, как элитизация, популяризация, коммерциализация и журналистификация культурной журналистики, а также рост профессиональной апатии [19]. Первая тенденция выражается в специализации журналистов на «высокой» культуре и их сближении с культурными элитами. Вторая, отмечаемая чаще, связана с изменением культурных иерархий и стиранием границы между «высокой» и «низкой» культурами, что в журналистике проявляется в более широком освещении поп-культурных явлений. Коммерциализация культурной журналистики ведет к тому, что она становится партнером культурных индустрий, а критика превращается в форму маркетинга. Авторы, пишущие о профессиональной апатии, отмечают, что журналисты и критики пассивно встречают вызовы, возникающие перед профессией, и предаются ностальгии, вместо того чтобы обновлять свои практики и отстаивать роль культурных арбитров.

На журналистификации остановимся подробнее. Особенность деятельности культурного журналиста заключается в том, что он выступает, по выражению Пьера Бурдьё, «культурным посредником», действуя одновременно в поле искусства и в поле журналистики. Отсюда, по мнению финских исследователей Хейкки Хеллмана и Маарит Яакколы, возникают две возможные парадигмы культурной журналистики — собственно журналистская и эстетическая [17].

Профессиональной культуре журналистов, считает голландский исследователь медиа Марк Дезе, свойственны следующие ценности: восприятие собственной деятельности как общественной службы, объективность, автономия, незамедлительность и чувство этики [14]. Некоторые из этих ценностей не характерны для профессии критика: незамедлительность реакции не является для него такой же приоритетной, как для журналистов в других областях, а объективность и автономия вовсе не присущи его деятельности, предполагающей субъективную оценку и тесные связи с артистическими кругами. «Журналистификация» означает сдвиг парадигм — от

эстетической к журналистской, что сопровождается преобладанием в культурной журналистике новостных материалов над рецензиями. Агенты поля культурной журналистики все больше разделяют ценностные ориентации с другими журналистами. При этом наблюдается отказ от узкой специализации на той или иной области культуры. Все это можно обосновать с точки зрения экономической эффективности: отдел культуры, работающий в эстетической парадигме, дорого обходится редакции, требуя большого количества сотрудников (один пишет о литературе, другой — о кино, третий — о театре, четвертый — об академической музыке и т. д.).

Обозначенные выше тенденции вполне характеризуют ситуацию в культурной журналистике России. В некоторые из них вписывается и история отдела культуры газеты «Коммерсантъ»: сокращение полос, популяризация, журналистификация. Примечательно при этом, что процессы, разворачивавшиеся в Америке и Европе постепенно, на протяжении долгих лет, в постсоветской России произошли гораздо стремительнее.

Первоначальный запрос на качественную культурную журналистику бывший гендиректор издательского дома «Коммерсантъ» Демьян Кудрявцев объясняет тем, что «сохранялось имперское наследие отношения к культуре, советское, где культура играла в медиа как в инструментах пропаганды и социализации большую роль» [10]. По словам же Александра Тимофеевского, интеллектуально сложный раздел «Культура» в «Коммерсанте» выполнял одну существенную функцию — социальной реабилитации целевой аудитории издания: «Образ респектабельной буржуазной газеты ... был глубоко рыночным — он помогал бывшим цеховикам, пришедшим в бизнес комсомольцам и фарцовщикам носить костюм, который на них не лез, но без которого они отныне уже не могли обходиться. Ну и просто проходимцы — МММ, “Чары” и “Хопры-инвесты” — тоже были не чужие на этом празднике жизни. Авторы отдела культуры газеты “Коммерсантъ”, например Катя Деготь и Аркадий Ипполитов, во всем буквально противоположные, одна — за авангард, другой — за классику, сами того, конечно, не подозревая, делали общее дело — отмывали “Чару”» [7]. К 1996 году пирамиды распались, и в этом «интеллектуальном отбеливателе», с его слов, попросту отпала надобность.

История в отечественной культурной журналистике повторяется не дважды, и слова «трагедия» и «фарс» здесь едва ли уместны. Газета «Русский телеграф», которую создавали Александр Тимофеевский и бывшие авторы газет «Коммерсантъ-Daily» и «Сегодня», просуществовала чуть больше года и закрылась в разгар экономического кризиса в 1998-м. Журнал «Русская жизнь», который Тимофеевский выпускал с главным редактором Дмитрием Ольшанским и для которого писали бывшие журналисты этих трех изданий, выходил чуть больше двух лет и был закрыт в 2009 году на фоне другого экономического кризиса. Одноименный интернет-журнал запущен в октябре 2012 года, а уже в марте 2013-го гендиректор медиагруппы «Событие» — инвестора «Русской жизни» — заявил о закрытии проекта в связи с недостаточными сборами от рекламы [3]. Впрочем, в этом случае ссылка на экономические показатели, вероятно, была отговоркой, и есть основания полагать, что причины закрытия «Русской жизни», как и портала о культуре *OpenSpace* в феврале того же года, были политическими¹. В июне 2012 года владелец *OpenSpace*, предприниматель и финансист Вадим Беляев решил превратить портал в общественно-политическое СМИ и уволил всю редакцию, которая вскоре основала сайт о культуре *Colta.ru*. Он существует сегодня за счет помощи читателей, взносов попечительского совета издания и помощи партнерских проектов. Но *Colta* — скорее исключение, к тому же — опять же на фоне кризиса — количество собранных изданием средств сокращается [9].

Эти истории высвечивают следующие особенности культурной журналистики в России: ее необязательность и незащищенность и, как следствие, — скоротечность жизни проектов в этой сфере. Культурная журналистика расцветает там, где владелец СМИ или его инвестор не испытывают необходимости экономить деньги, а также политического давления. Культурный капитал оказывается вторичным по отношению к экономическому, и как только начинают снижаться доходы, культура оказывается излишком.

¹ В обоих изданиях публиковались Олег Кашин и Дмитрий Быков, а в «Русской жизни», декларировавшей свой политический нейтралитет, также печатался Константин Крылов. Все трое входили в Координационный совет оппозиции [13].

1. Гройс Б. Играем в чужую игру // Искусство кино. 1994. № 10. С. 37—41.

2. Давыдова М. Одни только пни // OpenSpace: интернет-изд. 2012. 26 июня. URL: <http://os.colta.ru/theatre/projects/139/details/37990/> (дата обращения: 29.04.2017).

3. Интернет-журнал «Русская жизнь» закрылся // Lenta.ru: интернет-изд. 2013. 14 марта. URL: <https://lenta.ru/news/2013/03/14/ruslife/> (дата обращения: 01.05.2017).

4. История русских медиа 1989—2011. Версия «Афиши». М.: Компания Афиша, 2011. 304 с.

5. Кабанова О. Алексей Тарханов: «Как я делаю полосу культуры» // Русский журнал: интернет-изд. 2000. 24 февраля. URL: http://old.russ.ru/culture/20000224_kaban.html (дата обращения: 15.04.2017).

6. Кабанова О. Без курсива // Русский журнал: интернет-изд. 2000. 5 мая. URL: http://old.russ.ru/culture/20000505_kab.html (дата обращения: 15.04.2017).

7. Морев Г. Александр Тимофеевский: «А вы говорите — New Yorker...» // Критическая масса. 2004. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/km/2004/3/tim11.html> (дата обращения: 24.02.2017).

8. Морев Г. После глянца // Новое литературное обозрение. 2001. № 50. С. 391—396.

9. Носова Н. Мария Степанова: «Нет понимания того, что государство делает, куда движется, чего хочет» // Znak.com: интернет-изд. 2016. 22 апреля. URL: https://www.znak.com/2016-04-22/glavred_colta_ru_mariya_stepanova_o_znachenii_kultury_nezavisimyh_media_i_ekaterinburgskom_ostrove_90_h (дата обращения: 01.05.2017).

10. Петров Е. «Чувак, твою полосу мы закроем все равно, вопрос времени» // Colta.ru: интернет-изд. 2015. 2 февраля. URL: <http://www.colta.ru/articles/media/6160> (дата обращения: 30.04.2017).

11. Пушкин А. С. Переписка 1826—1837. М.: Директ-Медиа, 2015. 1053 с.

12. Рассказова Т. Александр Тимофеевский: у интеллигенции снова появилась героическая задача // Сегодня. 1995. 3 ноября. С. 10.

13. Ростова Н. Максим Ковальский: «Максим, как же так? Мы так в вас верили!» // Slon.ru: интернет-изд. 2013. 11 ноября. URL: <https://republic.ru/russia/kovalskiy-1016926.xhtml> (дата обращения: 01.05.2017).

14. Deuze M. What is journalism? Professional identity and ideology of journalists reconsidered. Journalism, Vol. 6(4), 2005, pp. 442—464.

15. Gottlieb J. Curtains fall on arts critics at newspapers. *Columbia Journalism Review*. January 6, 2017. URL: https://www.cjr.org/the_feature/arts_music_critics.php?CJR (дата обращения: 30.04.2017).

16. Harries G., Wahl-Jorgensen K. The Culture of Arts Journalists. *Journalism*, Vol. 8 (6), 2007, pp. 619—639.

17. Hellman H., Jaakkola M. From Aesthetes to Reporters: The Paradigm Shift in Finland. *Journalism*, Vol. 13 (6), pp. 783—801.

18. Holden J. Cultural Value and the Crisis of Legitimacy: Why Culture Needs a Democratic Mandate. *Demos*, 2006.

19. Jaakkola M. Witnesses of a cultural crisis: Representations of mediarelated metaprocesses as professional metacriticism of arts and cultural journalism. *International Journal of Cultural Studies*, 2015, Vol. 18(5), pp. 537—554.

20. Ross A. The fate of the critic in the clickbait age. *The New Yorker*, March 13, 2017. URL: <http://www.newyorker.com/culture/cultural-comment/the-fate-of-the-critic-in-the-clickbait-age> (дата обращения: 30.04.2017).

21. Spano W. La culture comme spécialité journalistique. *Le Temps des médias*, 2011, pp. 164—182.

УДК 391/395

Н. А. Волокитина

**Традиционная культура на современном этапе:
направления и формы воспроизведения
(на примере Республики Коми)**

Статья посвящена феномену включения элементов традиционной этнической культуры в современную массовую. Выделены основные направления и формы бытования традиционной культуры на современном этапе в Республике Коми.

Ключевые слова: традиционная культура, коми (зыряне), современная культура, традиционные образы, искусство.

N. A. Volokitina. Traditional culture on the modern stage: directions and forms of reproduction (on the example of Komi Republic)

The article considers the phenomenon of the incorporation of traditional ethnic culture elements in contemporary mass culture. The author has identified the main forms of existence of traditional culture at the present stage in the Republic of Komi.

Keywords: traditional culture, komi (zyrian), modern culture, traditional images, art.

Многие исследователи отмечают, что сегодня мы наблюдаем разрыв традиционной и современной культуры, что порождает ряд проблем, связанных прежде всего с формированием этнической идентичности. Современная культура отбросила традиционные формы, новаторские тенденции не ориентируются на культурное наследие. В то же время в современной культуре наблюдается возросший интерес к традиционной этнической культуре или ее элементам. Принято говорить о так называемом этническом возрождении. Действительно, в современных практиках активно воспроизводятся, реконструируются и возрождаются образы традиционного народного искусства и культуры. Традиционная культура превратилась в удобный носитель,

который наполняется новым современным значением. В то же время в современных культурных практиках элементы традиционной этнической культуры привлекаются для выполнения функций, не свойственных им в аутентичной среде, характерна потеря символов, претендующих на ориентиры и признаки этнокультурной идентичности — в силу изменения социокультурной ситуации.

Необходимо отметить, что этническая традиция на сегодняшний момент утратила свою целостность. Для традиционной культуры было характерно возобновляемое смыслообразование с использованием культурных традиций, культурные ценности в такой ситуации оказывались практически неизменными. На данный момент реанимация этнических ценностей носит несистематический характер и зачастую сводится к внешней атрибутике, возрождаются отдельные элементы — ритуалы, обычаи и прочее. Особенность, уникальность культуры воспринимается через своеобразие внешних атрибутов и символов. Кроме того, мы сталкиваемся с тем, что элементы и образы традиционной этнической культуры, привлекаемые для современного массового потребления, в основном вторичны, они являются результатом трансформации и изменения контекста их существования.

Ранее автором был рассмотрен пример последовательного воплощения одного образа традиционной культуры народа коми (зырян) в современной практике [1]. На примере актуализации образа водоплавающей птицы в современной культурной практике были выделены четыре основных направления использования традиционных образов.

Первое направление связано с развитием современного профессионального декоративно-прикладного искусства на территории Республики Коми, которое включает в себя прежде всего реплики с традиционных артефактов, бытующих в современной практике в качестве сувенирной продукции (например, традиционные изделия из дерева, такие как солонки-утицы). Такие предметы утратили свои символические и обрядовые функции. Современным человеком они воспринимаются как сувениры, однако бытование этих предметов тесно связано с культурно-памятной функцией, их привлекательность состоит в содержании, именно в том, что они почти неизменно воспроизводят изделия народного творчества, тем

самым связывая современное поколение с культурой прошлого. По мнению Н. Б. Смирновой, в современную эпоху мы сталкиваемся с тем, что традиционное народное декоративно-прикладное искусство утрачивает массовый характер, его сохранением или возрождением занимаются отдельные мастера; ранее народ был творцом образцов искусства, теперь же основная масса населения лишь потребитель [2, с. 131]. Традиционное народное декоративно-прикладное искусство перестает быть народным, этим занимаются единицы и уже профессионально, а современный потребитель использует данные предметы по совсем иному назначению.

Ко второму направлению можно отнести работы художников-этнофутуристов, обращающихся к образам древнего и традиционного искусства, фольклорной традиции. Главная идея этого направления в культуре выражена в самом названии. Это стремление обеспечить будущее этнической культуре. Реальное воплощение этнофутуризм находит в синтезе специфически национального и общемирового опыта в искусстве и культуре. Учитывая это, вполне логично обращение художников-этнофутуристов к символам и образам традиционной этнической культуры. Однако в любом случае этнофутуристы, реанимируя и возрождая старые образы, разрушают их исходное значение, конструируя новое, происходит деструкция старых значений и смыслов и конструирование нового. Ярким примером подобных работ является творчество двух художников Республики Коми: Юрия Лисовского и Павла Микушева.

Третье направление представлено отдельными социокультурными проектами, которые конструируются на основе традиционных образов и фольклорных сюжетов. Примером может служить фестиваль «Люди леса», концепция которого в 2016 году была основана на мифе народа коми о происхождении мира, согласно которому прародительницей всего живого является утка-мать (чõж). Это весьма интересная практика использования традиционных образов для привлечения населения к участию в культурных проектах. Благодаря таким проектам идет широкое информирование о традициях, повышается интерес современного поколения к мифологии и традициям коми, информация подается в современной форме.

Четвертым направлением можно считать создание логотипов, эмблем и государственной символики. Логотипы, созданные с огляд-

кой на традиционные образы и символы, призваны подчеркнуть уникальность и особенность культуры региона. Примеров использования образа водоплавающей птицы в логотипах достаточно много, среди них эмблема Национального музея Республики Коми. Однако проведенный опрос показал, что большинство жителей Республики Коми не соотносит логотип с традиционным для культуры коми (зырян) образом водоплавающей птицы и не может раскрыть его значение [1, с. 265—266].

Если рассматривать тематику шире и не замыкаться на образах исключительно традиционной культуры и искусства коми (зырян), к этому направлению можно добавить и обращение к образам древнего искусства при формировании новой государственной символики Республики Коми. При создании герба республики, утвержденного в 1994 году, были использованы символы пермского звериного стиля: хищная птица, на груди которой находится женская личина в окружении лосиных голов. При трактовке символики герба автор обратился к традиционному осмыслению данных символов. Символ, присутствующий в гербе столицы республики, городе Сыктывкаре, также имеет сходство с изображениями пермского звериного стиля. Центральной фигурой герба стал медведь, изображение которого напоминает «медведя в жертвенной позе», встречающееся в древней металлической пластике. Также в гербе был использован элемент традиционного коми орнамента, олицетворяющего солнце. Впоследствии в герб были внесены правки, но основной символ остался прежним. Стоит отметить, что автором проектов этих двух гербов выступил художник А. Неверов.

К выделенным ранее направлениям хотелось бы добавить еще несколько, не связанных напрямую с реанимацией традиционного для коми (зырян) образа водоплавающей птицы в современной культуре, однако говорящие об активном внедрении и использовании элементов традиционной культуры на современном этапе.

Прежде всего, это одежда и атрибутика в этностиле, представленная как элементами традиционного коми орнамента в современных видах одежды и аксессуаров, так и копированием техники, образцов и традиционных материалов. Это направление стало актуальным в последние несколько лет не только в Коми, но и на других территориях России, где проживает коренное население. На данный

момент создаются мастерские, открываются магазины, в том числе онлайн, где можно заказать или приобрести изделия в этностиле. В данных магазинах могут быть представлены традиционные вязанные изделия с коми орнаментом, например варежки, и современные формы изделий с этим же орнаментом, которые не бытовали в традиционной культуре населения, например перчатки без пальцев (митенки). Активно продвигается идея, особенно среди молодежи, о том, что этностиль, связанный с традициями своего народа или региона, это актуально и модно. Для примера можно привести культурную акцию «Этномода» со слоганом «Этномода — это модно!», прошедшую в 2013 году в рамках выставки «ЭкоЁлкаАрт. Лики природы в декоративно-прикладном искусстве» (Национальный музей РК), а также прошедший в Сыктывкаре в марте 2017 года фестиваль национальной и этнической моды «Северный стиль».

Еще одно направление представлено использованием традиционных символов и образов в продвижении любых товаров, в дизайнерских проектах, оформлении сайтов и прочем. Так, в Прилузском районе Республики Коми на упаковке одного из производителей молочной продукции использовано изображение традиционной солонки-утицы, стилизованный коми орнамент использован при оформлении сайта Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина и других организаций. По сути, мы сталкиваемся с примером этнокультурного брендинга, явления, близкого указанному выше использованию традиционных образов при создании логотипов и государственной символики.

Как отдельное направление необходимо выделить брендингование территорий. Успешное позиционирование территории опирается сейчас на культурную составляющую. При этом на данный момент, как отмечает в своей статье П. С. Ширинкин, интерес вызывает не столько культура, архитектура, этнография в регионе посещения, сколько стремление оказаться в «модных» местах, продвинутых в социальных сетях теми, кто там уже побывал. Наполнением описаний путешествий становятся мифы и легенды и всеобщее стремление прикоснуться к загадочному и сакральному. Мифы, легенды и сказки могут стать основой для зарождения туристического интереса к территориям. Туристское легендирование как прикладное направление может стать эффективным маркетинговым механиз-

мом, в результате применения которого можно получить социальные перспективы развития территории [3, с. 84, 87]. В этой связи конструирование региональных брендов на основе этнической составляющей и доведение ее с помощью рекламы и PR до туристов являются весьма успешными методами. В Республике Коми создается региональный бренд «Коми — родина лыж», основанный на факте, что в Коми археологами найден самый древний фрагмент лыжи (I Висский торфяник, эпоха мезолита). Для продвижения бренда задействована и этнокультурная составляющая: обращение к легенде об Йиркапе — богатыре, владевшем волшебными лыжами, обладающими немислимой скоростью.

Интересный вариант территориального этнокультурного брендинга представлен и одним из районов Республики Коми. В Корткеросском районе бытовала легенда о колдуне Кёрт Айке (Железном человеке), эта легенда легла в основу концепции проведения фестиваля кузнечного мастерства в селе Корткерос (проходит с 2014 года). Интерес к фестивалю вызвал и рост популярности и известности фольклорного персонажа, и прочную ассоциацию его со всем районом. Данный образ сейчас используется в продвижении продукции из данного района Республики Коми, в частности молочной. Интересно, что Кёрт Айка в коми фольклоре является злым и вредным персонажем, однако это не вызывает отторжения у населения при формировании бренда. На данный момент достаточно часто для создания привлекательного для туристов бренда используются и отрицательные персонажи, например Баба Яга (село Кукобой Ярославской области позиционируется как родина данного персонажа).

Автором исследования был проведен опрос, с целью выявления наиболее известных персонажей коми фольклора среди современного населения Республики Коми. Участие в опросе приняли 92 респондента, проживающие в Сыктывкаре, Ухте, Печоре, а также в Сыктывдинском, Коткеросском, Усть-Вымском, Княжпогостском, Вуктыльском районах Коми, разных возрастных категорий; наибольшую активность проявили молодые люди от 25 до 35 лет (42 % от всех участников). Единичное участие в опросе приняли респонденты, проживающие в других городах России, но ранее проживавшие в республике. Участникам было предложено назвать извест-

ных им положительных и отрицательных героев коми (зырянского) фольклора. Лидирующие позиции среди положительных персонажей занимает Пера-богатырь (65 упоминаний), он был указан почти всеми респондентами, причем зачастую как единственный или первый в списке. На втором месте охотник Йиркап (19 упоминаний), далее следуют Зарни Ань (8) и Райда (7), Ен (7), Кирьян Варьян (2). Положительными персонажами четыре участника опроса назвали Кёрт Айку и трое Шыпичу, которых традиционно относят к отрицательным героям. Среди отрицательных персонажей наиболее часто называемым стал Яг-Морт (55), причем, как и в случае с Перой-богатырем, Яг-Морт был либо единственным указанным персонажем, либо открывал список отрицательных героев. Также упоминаются Ема (18), Кёрт Айка (17), Омоль (14), Войпель (9), Вёрса (8), Юрка (8), Вакуль (5), Шыпича (6), Гундыр (4), чудь (3). Среди отрицательных героев четыре респондента указали и богатыря Йиркапа. Несколько человек затруднились ответить на вопрос. Наиболее развернуто отвечали респонденты, относящие себя к коми, перечисляя по несколько персонажей, иногда с комментариями. Затруднялись назвать либо положительного персонажа, либо отрицательного те, кто унифицировал себя как русский.

Данное распределение можно связать с распространением легенд, мифов и сказок коми народа среди населения республики. Так, цикл сказок о Пере-богатыре, изданный еще в советскую эпоху на русском языке, получил большое распространение, данный цикл хорошо известен населению Республики Коми, Яг-Морт стал известным персонажем также в связи с публикацией данного цикла и созданием коми национального балета Якова Перепелицы «Яг-Морт». Легенды о Йиркапе и Кёрт Айке стали активно использоваться в современной практике территориального брендинга, эти герои также стали известны широкому кругу населения, их имена на слуху, хотя воспроизводящаяся информация о них весьма неточная. С этим, возможно, связан тот факт, что некоторые участники опроса неверно определяли группу для данных персонажей. Другие герои назывались респондентами, относящими себя к коми этнической группе, соответственно, им лучше известны фольклорные циклы, заметно также упоминание участниками опроса героев местного фольклора, особенно это относится к отрицательным персонажам.

Результаты данного опроса могут иметь практическое значение, так как выявлены наиболее известные образы, которые могут стать основой для туристического легендирования и брендинга территории. При детальном анализе и дальнейшем опросе можно выявить фольклорных персонажей, связанных с определенными районами Республики Коми. Практика показывает, что данное направление весьма перспективно, основу брендинга возможно заложить, используя как положительных, так и отрицательных персонажей. Причем в данном направлении детальное знакомство с легендами и сказаниями вовсе не обязательно. При этнокультурном брендинге в современной ситуации фольклорный персонаж и его деяния могут стать отправной точкой для конструирования привлекательного бренда, образ со временем можно наполнить иным, современным содержанием.

Указанные автором направления не исчерпывают всех возможностей для внедрения элементов традиционной культуры коми (зырян) в современную культурную среду, поскольку не затронуты такие направления, как формирование современных музыкальных жанров на основе этнической традиции, повсеместное восстановление обрядовых традиций и праздников, функционирование коми языка в новой коммуникативной среде, формирование этнических СМИ и прочее.

Подводя итоги, надо сказать, что современная культура широко использует символический код традиционного искусства и культуры, наполняя их актуальным смыслом, что прекрасно видно на примере современных культурных практик в Республике Коми, где крайне востребованными стали традиции и образы титульного народа. Данный процесс можно рассматривать с точки зрения включения этнокультурных компонентов в современную массовую культуру. Причины такой востребованности элементов традиционной культуры на современном этапе остаются до сих пор мало исследованными, однако можно выявить основные формы воспроизведения.

Традиционная этническая культура как целостный феномен неприменима во всей полноте к современной культуре и реалиям, однако элементы традиционной культуры являются весьма жизнеспособными и востребованными в современной практике. Традиционная культура ранее воплощала в себе базовые жизненные ценности, опре-

деляющие жизнь общества, теперь жизнь общества строится на других представлениях. Вытесненные из жизни общества элементы традиционной культуры начинают играть иную роль, происходит процесс вживления их в новую неаутентичную среду, что дает выход в область современной культуры. Если рассматривать современную массовую культуру как форму, в которой функционирует современное общественное сознание, то необходимо признать, что эта форма наполняется самым разнообразным духовным содержанием, в том числе и элементами традиционной культуры.

На данный момент фиксируется взлет интереса к истории и традиционной культуре малых народов России, что породило проблему сохранения и воспроизведения традиционной этнической культуры (или хотя бы ее внешней атрибутики) в современной ситуации и включение элементов традиционной культуры в новую среду. Необходимо выработать новые современные механизмы передачи и воспроизведения традиционного материала, именно эти процессы проходят на территории современной Республики Коми.

* * *

1. Волокитина Н. А. Актуализация образов традиционной культуры коми (зырян) в современных культурных практиках // Человек. Культура. Образование. 2016. № 3(21). С. 255—269.

2. Смирнова Н. Б. Роль и место народного декоративно-прикладного искусства в современной культуре // Интеграция образования. 2006. № 2. С. 127—132.

3. Ширинкин П. С. К вопросу об использовании символических средств и ресурсов в развитии гуманитарного потенциала территорий // Человек. Культура. Образование. 2016. № 4 (22). С. 83—94.

УДК 008+18

М. В. Габова

**Визуальная культура современного общества
(опыт типологии)**

В данной статье рассматриваются в аспекте современности основные тенденции и отличительные черты такого социокультурного феномена, как визуальная культура. Автором дается краткий анализ понятийных составляющих визуальной культуры, таких как визуальный или зрительный образ, визуальная коммуникация, визуальность. Также в статье делается четкий акцент на предпосылках становления современного состояния визуальной культуры, характеризуется структура современного постиндустриального общества, его мировосприятие и предпочтения, основные черты и тенденции.

Непосредственный предметный анализ визуальной составляющей визуальной культуры строится на четком разграничении всей сферы визуальности на основные доминирующие области: графический дизайн, область искусства и медиасферу. Каждая из областей рассматривается на предмет основных тенденций, принципов и отличительных черт. Результатом становится четкое обозначение основных характерных особенностей визуальной культуры в неразрывной связующей цепи с состоянием современного общества в целом.

Ключевые слова: *визуальная культура, визуальность, визуальная коммуникация, графический дизайн, искусство, медиасфера, типографика, инфографика, зрительный образ, маркетинг, общество, массовая культура.*

M. V. Gabova. Visual culture of modern society (experience of typology)

In this article, the main trends and distinctive features of such a sociocultural phenomenon as Visual culture are considered in the aspect of the present. The author gives a brief analysis of the conceptual components of the Visual culture, such as a visual image, visual communication, visibility. The article also clearly

emphasizes the prerequisites for the development of the modern position of visual culture, characterizes the structure of a modern postindustrial society, its perception of the world and its preferences, basic features and trends.

A direct, objective analysis of the visual component of the Visual culture is based on a clear delineation of the entire scope of visibility to the main dominant areas: graphic design, art and the media sphere. Each of the areas is considered for the main trends, principles and distinctive features. The result is a clear indication of the main characteristics of visual culture in an inseverable link chain with the state of modern society as a whole.

Keywords: *visual culture, visibility, visual communication, graphic design, art, media sphere, typography, infographics, visual image, marketing, society, mass culture.*

В разрезе тенденций развития современного общества следует рассматривать визуальную культуру как неотъемлемую часть среды жизни любого человека, находящегося в социуме. Человек вынужден существовать в обширном поле визуальности, воспринимая зрительные образы в процессе своей профессиональной и повседневной жизни как сознательно, так и неосознанно. В условиях современной действительности, все более ускоряющегося темпа развития, научного прогресса, а также социокультурных практик и процессов мы можем наблюдать все более стремительный темп возникновения и усиления визуальных практик, обусловленных визуальными коммуникациями, возникновением множества визуальных кодов, режимов видения, техник и практик. В процессе восприятия информации на первый план выходит уже не текстовый символ, а зрительный образ. Мировосприятие становится «визуальным», а визуальная культура в результате выступает своего рода феноменом, влияющим на социокультурное развитие как в целом, так и в отдельных областях. Эти процессы обусловлены состоянием интеллектуального и художественного пространства культуры и общества. Потребность исследования феномена визуальной культуры становится сегодня базовым принципом существования культуры повседневности и социокультурного пространства в целом. Как отмечает Г. Дженкс, «процессы глобализации обусловили потребность в кросскультурных контактах, что сформировало потребность в релевантных формах обмена информацией, а визуальная информация оказалась наибо-

лее удобной формой донесения смысла с минимизацией информационных потерь и скорости восприятия, обработки и обратной связи» [6, с. 288]. В свою очередь И. А. Мальковская отмечает, что «резко возросла доступность видов и объектов информации; интернет-коммуникации меняют представления о пространстве и времени; развернулась универсализация шоу-культуры, рождающей новые представления о досуге, свободном времени, самореализации, самопрезентации; смешение культур создает транскультурное мышление и т. д.» [3, с. 46].

В разрезе социальной антропологии необходимо обозначить, что визуальность определяется как форма репрезентации мира и реальности, как базовая форма существования современной культуры.

Зрительный образ информирует, образовывает, развлекает, эмоционально насыщает человека, манипулирует его поведением и действиями. В современном мире зрительный образ — это уже некое средство взаимодействия со зрителем, нежели просто его созерцание. На первый план выходит такое понятие, как визуальная коммуникация, которая, будучи дополненной различными культурными кодами, становится мощным манипулятором, оставляя позиции пассивного посредника. На данном этапе развития социокультурного общества следует говорить о визуальных коммуникациях как о важнейшей составляющей таких областей современного техногенного мира, как маркетинг и СМИ, одной из задач которых является формирование информационного потока в эмоционально насыщенный визуальный язык.

Современный мир маркетинга накладывает свой отпечаток на характер визуальных коммуникаций, в результате возникает понятие «таргетированная коммуникация», а именно демонстрация зрительных образов, которые свойственны определенной социокультурной группе. Формирование подобных социокультурных групп происходит на основе анализа анкетных данных пользователей об их мировосприятии, целях, мотивациях, желаниях и интересах. В итоге для более результативного формирования баз данных целевых групп очень тщательно подбираются различные составляющие, например демографические и географические, социальный статус, интересы, увлечения, используемые интернет-приложения и сообщества.

Огромное влияние на состояние визуальной культуры имеет современное постиндустриальное общество, структура которого также претерпевает изменения. Все меньше ощутимы классовые и социальные различия, научный прогресс все больше овладевает бытом и комфортом людей. Все более усиливающийся ритм и интенсивность жизни также оказывают огромное влияние на состояние общества. Последствия информационной революции и информационное поле все больше завладевают мировосприятием современного человека. На первое место выходят цифровые технологии и технические достижения, а экранная культура теперь доминирует над письменной и устной. Огромное значение приобретает именно массовая культура, основными критериями которой являются легкость, развлекательность, упрощенность и доступность.

В эпоху научного прогресса с появлением технических возможностей благодаря легкости воспроизводства, тиражирования и массового распространения стало возможным воспроизводить и создавать саму реальность, интенсивную и убедительную. Более того, человек становится все больше зависим от мультимедийных средств с экраным интерфейсом, где он общается, отдыхает, развлекается и образовывается.

Необходимо отметить, что обращение к визуальности является следствием некоторых черт общества потребления, таких, например, как стремление к комфортному, необременительному существованию и индивидуализации социального поля. Теперь визуальные тексты построены на другой основе, нежели тексты повествовательные: для них характерен эффект поверхностного, а именно восприятие зримого культурного кода, нацеленность на восприятие «здесь и сейчас», иной уровень рефлексии, где человек обращает внимание прежде всего на самого себя и на результат собственной деятельности.

Основные социокультурные тенденции демонстрируют, что такое понятие, как «эргономика», теперь переносится из сферы физиологии в сферу психологии, т. е. видимые образы должны быть удобными, комфортными для восприятия, безопасными и эффективными, вызывающими в большей части положительный эмоциональный отклик. Изображение теперь должно не только информировать человека, но и удовлетворять его потребности в психологическом

климате, эмоциональном и коммуникативном фоне, а также в эстетическом аспекте.

Мировоззрение современного человека находится под значительным влиянием образцов кино-, видео- и полиграфической продукции, виртуальных интернет-миров. Необходимость кодирования информации в визуальный поток обусловлена неоспоримой трансформацией различных областей жизни современного общества. В результате пространство коммуникации заполняется емкими зрительными формами, которые, в свою очередь, облегчают человеку восприятие огромных пластов информации, окружающих его повсеместно.

Визуализация давно стала доминантой в современном информационном пространстве. Популярность креативной рекламы, арт-объектов, графического дизайна, кино, комиксов, фото-, теле-, видео-, визуальных интернет-ресурсов зашкаливает, а ценность и авторитет книжной, письменной продукции падает. В итоге общество перестало быть читающим, а в педагогической среде возник термин «пассивное чтение», когда человек, наученный читать, перестает использовать данный навык в расширенном масштабе.

Доминирующим каналом получения информации теперь становится телевидение, которое ввиду своей коммерческой составляющей основной задачей ставит рентабельность. Это влечет за собой характер и способы подачи информации, демонстрируя в основном только то, что пользуется спросом у целевой аудитории, тем самым как бы поощряя стихийный ход культурного развития. Также нельзя не отметить тот неоспоримый факт, что все более совершенствуемые технические устройства завладевают сознанием и пространством потребностей человека, а транслируемые через них визуальные коммуникации становятся строго индивидуальным каналом удовлетворения потребностей социальных групп.

На фоне массовых тенденций в сфере визуальной культуры можно выделить основные.

- На смену повествовательной форме текста приходят иные тексты — преимущественно короткие по объему, подразумевающие восприятие смыслового значения «здесь и сейчас», требующие минимальной работы по расшифровке. Здесь на первый план выходит не ценностное наполнение, но красота содержания, игра реальности и иллюзии, новизна и необычность.

- Само значение «изобразительного» трансформируется из аутентичного эстетического восприятия отражения реального мира в захват сознания визуальными репрезентациями функциональных элементов индустриального мира.

- Для каждого вида визуализации формируются свои критерии и особенности. Каждый продукт визуальной культуры теперь приобретает четко оформленную цель и задачи, в противном случае визуальный объект теряет свою ценность.

Так, например, можно выделить огромный пласт из области визуальной культуры — графический дизайн, получивший термин «визком» (vizcom), или «визуальный коммуникатор». Графический дизайн — это проектно-художественная деятельность, направленная на создание или изменение визуально-коммуникативной среды в соответствии с определёнными задачами и требованиями. Постоянное нахождение его на стадии живого развития приводит к постоянной трансформации стилевой и смысловой направленности способов отражения действительности.

Данный вид визуальности вносит инновационный вклад в развитие социально-экономической и культурной сфер жизни, способствуя формированию визуального ландшафта современности.

Графический дизайн представляет собой широкий спектр видов и направлений — таких, например, как типографика и фирменный стиль, визуальный стиль веб-ресурсов и телевидения, полиграфическая и книжная продукция, интерьерная и ландшафтная графика и т. д. Специфической особенностью графического дизайна является то, что он воспринимается, как правило, на бегу, в ритме повседневных забот и активности, присутствуя как фон в жизни человека.

В целях привлечения и удержания внимания зрителя, а соответственно и запоминания, в основе графического дизайна всегда четкий эмоциональный акцент и выверенный смысловой посыл, доходящий порой до эпатажа и вызова. Доминирование простоты и лаконичности изобразительных форм наряду с текстовым и смысловым наполнением является результатом максимальной стилизации сложных форм. Современная графика приобретает черты броскости, яркости и насыщенности. Цвета подбираются при этом очень грамотно, чтобы не отпугнуть и не вызвать нежелательной эмоци-

ональной реакции. В основе гармоничного колорита графического продукта лежат принципы и основы цветоведения. Наличие четких контрастов позволяет подчеркнуть необходимое и приглушить второстепенное, таким образом усиливая эффект от увиденного; в результате зрительный образ легко запоминается и накладывается на ассоциативный ряд.

В современной концепции графического дизайна также можно проследить доминирование геометрических форм над текучестью и плавностью, прослеживается прямолинейный, строгий и структурированный характер графического языка.

Огромное внимание и значение уделяется типографике — характеру и форме подачи шрифтовых блоков. Начертание шрифта, его способ кадрирования и подачи позволяет добиться максимального эффекта и наивысшего эмоционального отклика. Стилевое направление и способ начертания текстовой формы дополняет смысловую картину изображения и акцентирует внимание на характере замысла, а иногда и доминирует над самим изображением.

Несомненно, на сегодняшний момент следует также отметить все более набирающий популярность тренд в графическом дизайне — инфографику (от слов «информация» и «график»). В своей статье «Информационная графика в современной визуальной культуре» Н. А. Силанов отмечает, что «в свете методологии лингвистических и семиотических наук инфографику можно рассматривать как тип нелинейного вербально-графического, так называемого поликодового текста» [5, с. 25]. Инфографика представляет собой схематическое, максимально стилизованное и упрощенное визуальное-информационное сообщение в виде схематичного систематизированного подхода. При этом информационный посыл представляет собой наиболее важные и значимые данные, небольшие по объему. Цель инфографики — максимально эффективно, доступно и наглядно предоставить сложно-системную информацию в виде набора графических, схематических элементов и минимума текста. В результате инфографика интуитивно понятна зрителю, удобна, воспринимается без затрат умственных процессов и сил, что делает ее универсальным средством при использовании на различных носителях, таких как печатная продукция, заставки на теле- и видеопродуктах, в сети Интернет, визуальные технические продукты.

Следует также подчеркнуть, что при создании продуктов успешного графического дизайна учитываются одновременно как культурные традиции целевой аудитории, так и маркетинговые приемы. Именно маркетинговый аспект тесно сплетает графический дизайн и рекламу. Как правило, любая визуальная реклама осуществляется посредством графического дизайна, будь то ATL-технологии (массовые средства рекламы — листовки, плакаты, афиши, купоны, ТВ, радио, наружная реклама и т. д.) либо BTL-технологии (стимулирование продаж через непосредственное воздействие на целевую аудиторию — выставки, презентации, мерчендайзинг и т. д.). Как правило, реклама — это прежде всего массовая коммуникация, нацеленная на огромный пласт целевой аудитории. Соответственно, визуальный образ приобретает черты универсальности и доступности.

Если же рассматривать непосредственно саму область искусства, то в рамках визуальной культуры возникает новый термин — визуальное (пластическое) искусство. Оно включает в себя как традиционное академическое изобразительное искусство, так и современное: цифровую фотографию, видеоарт, а также прикладные и декоративные формы, архитектуру и скульптуру, арт-объекты, перформанс и инсталляции. Здесь также можно выделить доминирующие черты современности. Главный ценностный аспект в современном искусстве — это сила художественной выразительности, которая концентрируется в эмоциональном восприятии всего художественного образа. Здесь простое созерцание уходит на второй план. Доминирующая позиция принадлежит активному воздействию на сознание и художественные ценности зрителя. Как правило, художественный образ многослоен и многогранен в своем смысловом наполнении, что делает его доступным для больших масс людей, независимо от состояния интеллектуального и художественного развития общества. Лиричность и опосредованность уступают активному акцентированию на проблеме, которую поднимает художник, в свою очередь художественный образ удивляет, завораживает и заставляет задуматься. В целом можно сказать, что современное искусство концептуально: оно провозглашает идеи и взгляды, оно насыщено знаками и символами, оно многослойно и многоуровнево в понимании, оно метафорично и недосказанно. Однако при всем этом, как отме-

чает В. Кинцанс, «произведения изобразительного искусства выступают как бы хранителями визуального опыта. Они являются не просто наглядными культурно-историческими свидетельствами особенностей зрения, видения, но и продуктами визуального сознания» [2, с. 33].

Технологический процесс и развивающаяся инфраструктура в области коммуникаций изменили способы восприятия информации современным человеком. И здесь уже стоит рассмотреть видимую коммуникативную информацию, которая сосредоточивается в понятии «медиафера», включающем в себя как огромный информационный пласт культуры общества в целом, так и средства массовой коммуникации (СМИ), это теле-, видео-, аудиоресурсы, интернет, электронные и программные ресурсы. На данный момент медиакультура является составляющей общей культуры человека. Она определяет не только способ восприятия информации, но и культуру ее передачи. Именно здесь возникает такое понятие, как «видеократия», т. е. власть изображения, видеобраза, в отличие от логократии — власти слова.

Визуальный образ в медиафере — это конгломерат информационных потоков. Он несводим только к иконическому знаку, лишённому смысловой составляющей, а напротив, хочет быть признанным и интерпретированным, а значит, представляет те отношения и ценности, которые значимы для человеческого поведения. При этом изображение, в отличие от текста, может быть одинаково легко прочитано людьми, принадлежащими к разным культурным, языковым и этническим группам. Визуальный язык в каком-то смысле транскультурен, т. е. обладает возможностями единого прочтения визуальных кодов представителями разных культур. Визуальные медиа, таким образом, сами создают визуальную транскультуру. Видеоряд, рассчитанный на восприятие максимально возможной аудиторией, стремится избегать узкокультурных визуальных образов, если это не предусматривается стратегическим замыслом, узкой направленностью послания на целевую аудиторию. Однако в наши дни все большее число ранее узкоспециализированных визуальных форм приобретает общемировое значение.

Здесь стоит отметить, что современное развитие информационных технологий привело к усилению роли интернет-составляющей.

Именно этот медиаресурс все больше захватывает сознание человека за счет своей универсальности, удобства, вариативности, многоплановости и многовозможности. Здесь человек не только получает информацию, но и отдыхает, развлекается, находит применение своим субъективным интересам.

В современном пространстве медиасферы также можно определить основные черты и особенности. Здесь также доминирует зрелищная подача информации, специфика визуального языка, яркая и динамичная. Эффектность, скорость, демонстративность, обилие технических специальных эффектов — все служит одной цели — будоражить сознание зрителя и удерживать его. Все эти приемы становятся своего рода причиной зависимости общества от новых образов, новых эффектов, все новых языков визуализаций. В результате медиасфера сейчас воспринимается как проявление некоего глобального общества и человек начинает формировать свою систему ценностей именно в соответствии с увиденным им в средствах массовой информации, социальных сетях и телепередачах, видеопроектах, которые отождествляются с глобальным целым.

Рассматривая визуальную культуру современного общества в целом, можно выделить четкие характерные особенности: преобладание визуальности во всех сферах жизни человека, высокую скорость восприятия зрительных образов за счет лаконичности, универсальности, простоты и стилизации, эффектность и демонстративность, четкую и весомую информационную составляющую, и, как следствие, ослабевание критического мышления. Например, Т. Ю. Казарина заявляет о том, что «визуальное мышление отрывочно, фрагментарно, нецелостно, то есть не имеет своей истории существования. Его интенсивное развитие приводит к неспособности, а в некотором смысле и к нежеланию человека участвовать в длинном хитросплетении мыслей, в конструировании сюжета по поводу восприятия визуального образа. Все это не формирует у человека аналитическое мышление» [1, с. 46]. Вместе с тем создание информационно-коммуникативных технологий делает возможным тотальную визуализацию общества. Следует также отметить, что коммуникационный потенциал новейших технологий открывает перед обществом новые перспективы их использования в ходе социального взаимодействия [5]. В результате визуальная культура в целом и визу-

альная коммуникация в частности становятся мощным ментальным ресурсом социальных изменений.

* * *

1. Казарина Т. Ю. Современная культура в визуальном пространстве// Вестник КемГУКИ: сб. статей. Кемерово, 2015. С. 46.

2. Кинцанс В. Визуальная культура: анализ и пути формирования// International Scientific and Practical Conference/World Science. 2016. № 7(11). С. 33.

3. Мальковская И. А. Визуальная культура: проблемы самоидентичности // Гуманитарные науки: теория и методология. 2008. № 4. С. 46.

4. Мягкова М. Визуальная культура как социокультурный феномен [Электронный ресурс]: электронное научное издание «Аналитика культурологии». Вып. 2 (11). 2008. URL: http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/500-article_33-3.html

5. Силанов Н. А. Информационная графика в современной визуальной культуре// Вестник московского университета. Сер. Журналстика. 2010. № 3. С. 25.

6. Jenks Ch. Visual Culture // Routledge. London. 1995.

УДК 008+171

О. В. Есева

Совесть и ее влияние на развитие духовно-нравственного начала в человеке

Деэвальвация общечеловеческих ценностей, их переоценка с ориентацией на материальные блага неизбежно ведут к нравственному оскудению личности. Однако возрождение личности возможно только путем формирования ее духовно-нравственного стержня, в основе которого лежит совесть. В статье раскрывается сущность этого нравственного чувства на примере нравственных учений святых.

Ключевые слова: *совесть, нравственность, безнравственность, духовность, грех, душа, личность.*

Eseva O. V. Conscience and its influence on development of the spiritual and moral beginning in the person

Devaluation of universal values, their revaluation with orientation on material the benefit, inevitably leads to moral impoverishment of the personality. However revival of the personality is possible and possible only in the way through forming of her spiritual and moral core which cornerstone conscience is. In article the essence of this moral sense on the example of moral doctrines of Saints reveals.

Keywords: *conscience, morality, immorality, spirituality, sin, soul, personality.*

Среди существующих этических понятий совесть является важной составляющей духовной жизни человека. Размышляя о нравственных проблемах, люди о ней говорили уже в Древнем Египте и античности, однако особенно глубокое осмысление совесть получила в христианскую эпоху. Так, А. А. Столяров, перефразируя Э. Доддса, называл христианскую культуру «культурой совести» [19].

Отдельно следует упомянуть о попытках описания совести в православном богословии. Среди работ, посвященных данному понятию,

можно отметить исследование проф. Казанского «О совести» [7], статьи проф. Н. Богословского «Учение о совести» [3], «Библейское учение о совести» [1] и «Совесть как голос Верховной Правды» [2], статью Дмитрия Фаворского «Значение совести в религиозно-нравственной жизни человека» [20], а также открытую лекцию еп. Сергия (Страгородского) «Закон Божий, написанный в сердце человека» [17]. Из работ по святоотеческому пониманию совести можно упомянуть статью К. Д. Попова «Блаж. Диадок (V-го века), епископа Фотикии, древнего Эпира, учение о рассудке, совести и посмыслах» [15], А. Лепорского «Учение св. Иоанна Златоустого о совести» [8].

Уже в советские годы были написаны две работы: прот. Сергия (Параклис) «Учение Святых Отцов о всеобщности совести», А. Станько «Учение Священного Писания и святоотеческой письменности (по Добротолочию) о совести» (1954 г.) и небольшое курсовое сочинение прот. М. Беспалова «Значение совести в религиозно-нравственной жизни христианина» (1975 г.).

В постсоветский период, начиная с 90-х годов, интерес к духовным и нравственным аспектам человеческого существования в размышлениях над тем, что такое совесть, усилился. Так, все чаще современные авторы обращаются к работам отечественных философов конца XIX — начала XX века: В. С. Соловьева, И. А. Ильина, Н. А. Бердяева, М. М. Бахтина, Н. О. Лосского, Г. И. Гурджиева.

В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев связывают совесть с духовной сферой личности. Нравственным центром индивидуальности человека они считают совесть [18]. По словам А. И. Зеличенко, совесть отчасти компенсирует невозможность рационально определить правильное поведение [6]. А. Б. Орлов рассматривает феномен совести как результат интеграции личности и сущности человека [14]. Характерной особенностью указанных подходов является то, что совесть признается компонентом духовности личности, выступая в качестве механизма нравственной самореализации, и понимается обобщенно как поиск добра.

В начале XXI века появляются работы, где совесть выступает предметом психологического исследования. По убеждению В. Х. Манерова, совесть — это психологический механизм, который позволяет человеку ориентироваться между явлениями, их местом в жизненном континууме с полюсами «добро» и «зло», и совершать движе-

ния в направлении к добру [11]. Особенностью позиции данного автора является акцентирование на религиозном понимании данного феномена. Экзистенциальные аспекты совести стали предметом размышления Н. Н. Ниязбаевой. Автор отмечает, что «совесть интуитивна, и человек, у которого «она есть», умеет ее чувствовать и опирается на нее в своих выборах» [13, с. 195]. В. Д. Шадриков приходит к выводу, что совесть является высшим проявлением духовности человека и выступает в форме внутреннего императива, определяющего поведение человека [22]. По мнению С. А. Герасимова, вектор развития личности должен рассматриваться не столько в плоскости ее самоактуализации, сколько в принятии ею ответственности за свои каждодневные деяния и всю свою жизнь в целом в соответствии с голосом совести [4]. Т. А. Дронова, определяя данное явление как психологический феномен сознания, приходит к мнению, что совесть — это отчетливое понятие вневременной категории, посредством которой формируется внутренняя убежденность человека в том, что является добром и злом, сознание нравственной ответственности за свое поведение [5].

Сказанное выше означает, что в настоящее время возрастает потребность в религиозно-философском осмыслении основных категорий и понятий христианской этики, поскольку современность бросает вызовы не только духовно-нравственному и культурному, но и цивилизационному бытию человека.

Религия — это жизненная и активная связь человека с Богом — абсолютным добром, т. е. существом, обладающим полнотою добра и являющимся источником всякого блага. Религия немислима без нравственности, стержнем которой является совесть, она есть соответствие поведения человека моральным принципам определенного мировоззрения. Древнейший нравственный принцип «не делай другому того, чего не желаешь себе» каждый человек в глубине своей души принимает за истину. Это своего рода нравственный закон, золотое правило нравственности. В христианстве он приобретает более активный характер. «Итак, во всем, как хотите, что бы с Вами поступали люди, так поступайте и Вы с ними» (Матф. 7, 12).

В основу своих нравственных учений святые часто полагают такое понятие, как естественный нравственный закон — совесть. Очень легко заштамповалось и опошлилось это понятие. «Тончайшее, интимнейшее чувство духа человеческого» (по св.

Игнатию Брянчанинову) [12, с. 105] перешло сначала в разряд быденных понятий, а в последнее время вообще раздаются голоса за отмену совести (так, по крайней, мере утверждают некоторые «разумоцелители», однако отменить совесть не удастся никому, ибо она — естественный закон (по Авве Дорофее), домашнее судилище (по св. Григорию Богослову), «соперник наш» (сравн. Матф. 5, 25, «свидетель верен» (притч. 14, 24). «Пусть меня все хулят, только бы совесть хвалила», — писал св. Тихон Задонский. С острием лезвия ножа сравнивает совесть св. Игнатий Брянчанинов, назидая: «Острие совести очень нежно. Его надо хранить и хранить» [12, с. 115]. И еще одно важное замечание русского святого: «Всяка принятая неправильная мысль имеет влияние на совесть: уклоняет ее от правильного действия» [12, с. 115]. Нет сомнения, что чистая совесть может служить руководителем человеческой жизни. Человеку дано непосредственно чувство того, что для него важнее всего на свете — чувство добра и зла. Внутренний голос помимо всяких побуждений одобряет одни поступки и осуждает другие. И когда человек, увлекаемый страстями, уклоняется от нравственного закона, совесть не перестает осуждать его действия. Тот путь, который указывает нам совесть, есть нравственно совершенный, не самый приятный, не самый полезный, не самый целесообразный и т. д., но нравственно лучший.

К сожалению, нравственный голос не всегда и не у всех бывает непогрешим. По христианскому учению человек духовно болен, и потому часто не имеет сил поступать по совести (Рим. 7, 19).

Святоотеческое учение выделяет ряд пагубных, извращенных состояний совести: «преступление», «заглушение», «потемнение», «усыпление», «засыпание» и даже «сожжение».

Греховная жизнь приводит нередко к мнимому спокойствию, на самом же деле это болезненное бесчувствие души и ее «главного органа чувствования» — совести.

Авва Дорофей выделяет несколько аспектов относительно хранения совести:

- 1) хранение совести к Богу (т. е. жить по его заповедям);
- 2) хранение совести к ближнему (т. е. не совершать ничего худого словом, мыслью или взглядом по отношению к ближнему);
- 3) хранение совести к вещам (т. е. обращаться с вещами хорошо, не бросать без нужды, не давать им портиться и прочее).

«Чувствительность и острота совести возрастет при усилении самоконтроля, внутренней работе над очищением мыслей и чувств от греховных страстей, при частом исповедании. Совестьливость — не есть признак слабодушия, а напротив, есть важнейший барометр духовного здоровья человека», — считает В. Невярович [12, с. 93]. Он же считает, что психотерапевт, имеющий дело с человеческой душой и пытающийся заниматься целительской практикой, теряет право на это занятие, если утрачивает или не хранит как зеницу ока совесть, тем более осознанно пренебрегает ее голосом. Бессовестность — признак серьезной болезни души, при этом, безусловно, теряется и право, и способность к акту целительства и духовного врачевания вообще. Чтобы не переступить нравственный закон, совесть, он дает следующий совет: «Очень хороший способ — сверение своей совести с заповедями Спасителя, Его поступками и всем Его духовным обликом» [12, с. 95]. Эту мысль точно сформулировал С. Н. Лесков в повести «На краю света»: «Я, когда мне что нужно сделать, сейчас себя спрашиваю: можно ли это сделать во славу Христову? Если можно, так делаю, а если нельзя — того не хочу делать» [9, с. 325].

Иногда человек сознательно вступает в сделку со своей совестью, и тогда она может исказиться и даже заглушаться в его душе. Эта нравственная порча проникает в человека незаметно, постепенно. Все начинается с малого, с компромисса. Христос предупреждал: «Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом и во многом не верен» (Лк. 16, 10). Человек же без совести и страшен, и глубоко несчастен, хотя внешне он может процветать. Убийство совести есть убийство духа, потеря способности к духовным переживаниям, таким как любовь, радость, мир, сострадание, а следовательно, и способности иметь то, что называется счастьем, что делает человека человеком. «Человек без совести — все равно что утративший обоняние — он может съесть и падаль — или потерявший чувствительность кожи — он уже не ощущает огня или холода, что приводит его к гибели. Так и бессовестный человек не останавливается ни перед чем, чем может совершить любой, какой угодно безнравственный поступок и в конечном итоге губит самого себя», — считает А. И. Осипов [16, с. 19].

Совесть судит человека, отличает добро и зло, но не дает силы изменить, исправить свою жизнь, дать восторжествовать добру и покорить зло. Отсюда нравственные страдания — внутреннее раздвое-

ние и самоосуждение. Только чистая совесть может быть верховным судьей человеческих поступков, но для этого необходимо, чтобы она была таковой. Поэтому она нуждается в разумной опоре. Понимание этого дает религия, в ней человек находит ту нравственную опору, в которой нуждается его совесть, — считает А. И. Осипов.

Очень точную мысль высказал Б. Т. Лихачев: человек должен сам прийти к вере, должен сам сообразно с совестью определять сущность и направление своей веры. Он считает, что вера ни в коем случае не должна внушаться, и если «вера — результат только внушения, то между нею и совестью возникает непримиримое противоречие. Слепо верующий человек в жизненных ситуациях делает не то, что подсказывает совесть, а то, что велят или оправдывают внушенные догмы веры. Для того чтобы совесть и вера гармонизировались, вера не должна быть только интуитивной, а в значительной мере вырастать из разума» [10, с. 16]. Только в этом случае человек будет действительно совестливым человеком и «способным сознательно соотносить свою совесть с верой».

Митрополит Филарет выделяет 3 функции совести:

1. Когда человек прислушивается к голосу своей совести, он видит, что эта совесть в нем говорит как судья, строгий и неподкупный, оценивающий все поступки и переживания человека, и часто бывает так, что какой-либо данный поступок выгоден человеку или же он вызвал одобрение у других людей, а в глубине души этот человек слышит голос совести «это — хорошо, это — грех».

2. Совесть в душе человека действует еще и как законодатель. Все те нравственные требования, которые стоят перед душой человека при всех его сознательных действиях (например, делай добро, будь правдив, не кради и т. д.), являются именно нормами, требованиями, предписаниями этой самой совести. И голос ее учит нас, как надо и как не надо поступать.

3. Совесть еще действует в человеке как мздовоздатель. Это бывает тогда, когда мы, поступив хорошо, испытываем мир и спокойствие в душе, и наоборот, после совершения греха испытываем упреки совести. Эти упреки совести иногда переходят в страшные душевные терзания и муки и могут довести человека до отчаяния или потери душевного равновесия, если он не восстановит мир и спокойствие в совести через глубокое и искреннее покаяние... [21, с. 8].

Не будем отрицать, что очищающая функция исповеди велика для человека. Это снятие греха с его души, это выход больной совести, это очищение души.

Проследим, что вкладывает в понятие «совесть» религиозное учение.

В религиозных учениях святых (св. Григорий Богослов, св. Игнатий Брянчанинов, св. Тихон Задонский) основной функцией совести является контролирующая, но не просто контролирующая, а направляющая к нравственному совершенствованию. Совесть необходимо хранить (Авва Дорофей), так как изначально совесть, данная Богом, чиста.

Предлагается лечение больной совести через «покаяние». Особое внимание обращается на бессовестность и указывается на одну из причин бессовестности: компромисс. Даже в малом он ведет к бессовестности.

Характеризуя сегодняшнее время, мы вынуждены констатировать, что происходит переоценка ценностей, появляется ориентация на материальные ценности. Нравственные ценности и идеалы отходят на задний план. Все это неизбежно ведет к нравственному оскудению личности. Однако возрождение личности возможно и только через духовную сферу. Еще древние философы говорили, что человек рождается дважды: один раз физически, другой — духовно. Второе рождение — процесс сложный, длительный и мучительный. Очевидно, что основой духовности является совесть. Именно совесть является проекцией духовности в индивидуальном сознании, поэтому укрепление духовности невозможно без укрепления совести.

* * *

1. Богословский Н. Библейское учение о совести. Новый Завет // Православный собеседник. 1903. № 10. С. 441—453.

2. Богословский Н. Совесть как голос Верховной Правды // Вера и разум. 1910. № 17.

3. Богословский Н. Учение о совести // Православный собеседник. 1900. № 10. С. 246—289.

4. Герасимов С. А. Совесть как феноменология духа // Московский психотерапевтический журнал. 2007. № 3. С. 26—35.

5. Дронова Т. А. Совесть как психологический феномен сознания // Мир психологии. 2007. № 3. С. 121—127.
6. Зеличенко А. И. Психология духовности. М., 1996. С. 400.
7. Казанский Л. И. О совести. Краткий исторический очерк развития учения о совести и опыт решения о ее сущности и значении в религиозно-нравственной жизни человека. Сергиев Посад, 1913.
8. Лепорский А. Учение св. Иоанна Златоустого о совести // Христианское чтение. СПб, 1898. № 1. С. 89—102.
9. Лесков Н. С. На краю света / сост. В. А. Туниманова. Л: Лениздат, 1985. 590 с.
10. Лихачев Б. Т. Философия воспитания. М: Прометей, 1995. 280с.
11. Манеров В. Х. Совесть: теоретическая плюралистичность и феноменологическое многообразие // Диалог отечественных светской и церковной образовательных традиций: сб. докл. Покровских чтений. 2004—2005 гг. С. 53.
12. Неярович В. Терапия души (Святоотеческая терапия). Воронеж: МОДЭК, 1997. 240с.
13. Ниязбаева Н. Н. Экзистенциальные аспекты совести и ее воспитания // Достояние нации. 2005. № 4. С.193.
14. Орлов А. Б. Психология личности и сущности человека: Парадигмы, проекции, практики. М., 2002. С. 272.
15. Попов К. Д. Блаженный Диадох (V-го века), епископ Фотики древнего Эпира, учение о рассудке, совести и помыслах // Труды Киевской духовной академии, 1898. № 2. С.449—467.
16. Религии мира / под ред. Я. Н. Щанова. М.: Наука, 1994. 125с.
17. Сергей (Страгородский) архим. Закон Божий, написанный в сердце человека. СПб., 1904.
18. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология человека. М., 1995. С. 315.
19. Столяров А. А. Феномен совести в античном и средневековом сознании // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 1986. С.33—34.
20. Фаворский Д., священник. Значение совести в религиозно-нравственной жизни человека // Вера и разум. 1900.
21. Филарет. Нравственность христианина. М.: Российский писатель, 1991. 80 с.
22. Шадриков В. Д. Покаяние как фактор формирования совести // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2006. № 4. С. 3—13.

УДК 008:316

О. В. Золотарев

**Развитие народного образования в Коми республике
в советской историографии**

Анализируется советский этап историографии народного образования в Коми республике, отмечаются некоторые особенности исследовательской и справочной литературы этого периода.

Ключевые слова: Коми, историография, наука, образование, школа, учительство, политика.

O. V. Zolotarev The evolution of public education in the Komi Autonomy in the Soviet Historiography.

The article analyses the Soviet stage of the evolution of public education in the Komi Republic historiography, points out several peculiarities of the scientific and reference literature of this period of history.

Keywords: Komi, historiography, science, education, school, teachers, policy.

Развитие отечественной исторической науки после Октябрьской революции было ограничено правящей партией определенными идеологическими рамками. Прежде всего это отразилось на методологии исследования. Верной теперь признавалась только одна методология — марксистско-ленинская, что в определенной степени обедняло возможности ученого-историка. Методологические и идеологические ограничения суживали тематику исследований, их источниковую базу и т. д. В результате в исторической науке постепенно складывалось представление о бесконфликтности развития советского общества, когда в работах историков говорилось в основном о достижениях, успехах, а реально в жизни наблюдались борьба, противоречия.

Определенную негативную роль сыграла и абсолютизация партийных документов, данных в них оценок. Некритичное отношение к действиям партийных органов мешало объективному анализу того или иного решения. Отсюда нередко проистекали выводы о безус-

ловном успешном выполнении поставленных партией задач и планов. Постепенно в историческую науку проникали субъективизм и догматизм. Они порой преобладали в оценке таких сложных явлений, как культурная революция или развитие советской системы образования. Последнее шло отнюдь не гладко, однако в советской исторической науке процесс становления советской школы нередко выглядит довольно бесппроблемно.

Но здесь надо заметить, что развитие народного образования ввиду особой значимости, придаваемой правящей партией проблемам культурного прогресса, весьма скоро после Октябрьской революции стало предметом изучения как со стороны ученых-историков, так и общественных деятелей.

Уже в 1920-е и 30-е годы выходит целый ряд работ, в которых довольно безапелляционно говорилось об успехах, которые были достигнуты в сфере просвещения. Что касается конкретных проблем, то достаточно подробно были изучены новые школьные программы, подготовленные ГУС, изменения в политических взглядах учителя и т. д. Многие из этих работ были написаны крупными партийными и государственными деятелями [21, 5, 35, 1].

Исследования этого периода носили во многом пропагандистский характер: в них больше говорилось о перспективах развития, нежели анализировались текущие проблемы народного образования и учительства. Однако именно по этим работам можно судить как о модели образовательной системы, которую пытались внедрить большевистские лидеры, так и о способах ее создания.

Тенденции, характерные для общесоюзной литературы, прослеживаются и в публикациях о развитии просвещения, положении народного образования в Коми крае до революции. Правда, масштаб здесь поменьше. В коми историографии в 1920-е годы выходит ряд небольших статей о развитии народного образования в крае. Многие из них были опубликованы в издававшемся в конце 1920-х годов в Коми автономии журнале «Коми просвещенец». В этом издании освещались наиболее важные проблемы народного образования в крае: повышение квалификации коми учителей, приспособленность программ ГУС к местным условиям и др. [42, 24]. Затрагивались проблемы развития народного просвещения и в некоторых обобщающих работах и статистических сборниках [25, 14].

Изучение развития народного образования продолжилось и в 1930-е годы. Но если в 20-е авторы различных работ хоть иногда уходили от пропагандистских клише, то в 30-е годы ни в одной из интересующих нас работ не было даже попыток выйти за строго ограниченные идеологические рамки. Эта тенденция ясно прослеживается уже с конца 20-х годов, когда режим в стране заметно ужесточился и возможности исторической науки были ограничены как обязательным использованием официальной методологии, так и установившимися оценками. Публикации по вопросам народного образования суживаются до нескольких страниц в различного рода юбилейных сборниках. Их авторами в большинстве были партийные и советские работники. В немногочисленных исследовательских трудах того периода рассматривались в основном общие вопросы становления советского образования. Специальных работ по истории народного образования в Коми крае в 30-е гг. почти не было [13, 41].

А в первых обобщающих работах по коми истории, которые были опубликованы в 30-е годы, вопросы культурного развития края (как дореволюционного, так и советского периода), в том числе народного образования, практически не были затронуты [40, 37].

В целом для исследований о культурном развитии и становлении народного образования в Коми крае, вышедших в 1920—30-е годы, было характерно то, что в них подчеркивалась самобытность культуры коми, отмечалась необычайная отсталость и неграмотность народа до революции. Говорилось и об острой нехватке школьных работников, слабой подготовке педагогов школ края, непростом материальном положении школ, низком уровне грамотности населения. Главной задачей была необходимость подчеркнуть тот значительный шаг, что был сделан системой народного образования автономии после Октябрьской революции (что во многом соответствовало действительности), отметить позитивные изменения в работе школ. Однако при этом всячески принижалось наследие царской России, некоторые факты искажались и замалчивались.

Важным положительным моментом для изданий того времени (в особенности 1920-х годов) являлись публикации различного рода отчетов, материалов съездов и конференций партийных и государственных структур [26, 38, 27, 8]. Это дает богатый фактический материал (особую ценность представляют статистические данные),

в том числе и по проблемам развития образования, позволяет проследить деятельность властных структур, общественных организаций в данной сфере.

Еще одной особенностью работ 1920—30-х годов являлись обязательные, весьма оптимистические прогнозы на будущее. Много было рассуждений о том, как будет развиваться школьная сеть, как улучшится материальное обеспечение учительства. Не всегда этот оптимизм был обоснован, но нельзя забывать о том, что многие публикации того времени носили не исследовательский, а скорее пропагандистский характер.

Поворот в исследовательском направлении был сделан в отечественной историографии в 1950-е годы. Именно тогда историческая наука в СССР переживала определенный ренессанс вследствие ясно выраженного потепления в сфере идеологического контроля над исторической наукой. Многие ранее запретные темы начали обсуждаться и анализироваться. Стали доступными некоторые ранее закрытые архивные материалы и т. п. Эти перемены, впрочем, не затронули методологическую базу исторических исследований, она осталась прежней, здесь послабления были незначительны и относились в основном к чисто внешним моментам.

Данные изменения в советской исторической науке коснулись и работ, посвященных вопросам развития народного просвещения. В частности, расширилась тематика работ, их источниковая база. Многие публикации стали носить подлинно исследовательский характер. В них был дан анализ произошедших перемен в области народного образования. Конечно, исследования того времени сохранили следы идеологического влияния. Основное внимание уделялось успехам школьного дела; об ошибках, имевших место в процессе создания новой системы народного образования, говорилось немного. Не было и критики политики Коммунистической партии в вопросах школьного строительства. В основном замечания касались невыполнения (или ошибок при реализации) определенных решений партийных и государственных органов при проведении культурной революции [15, 22].

Главным достоинством вышедших в 1950-е годы работ является введение в научный оборот обширного фактического материала и появление исследований, анализирующих конкретные проблемы.

Среди них и публикации, затрагивающие сложности материального положения учреждений культуры, различные аспекты жизни учительства и т. д.

В эти же годы появились специальные исследования, посвященные анализу развития народного просвещения в Коми крае [33, 34, 23, 7]. Они были построены в основном на архивных материалах. И в этом главное преимущество данных работ. Впрочем, в этих исследованиях еще не был изжит оптимистический тон 20—30-х годов. Нередко развитие народного образования в крае выглядит беспроblemным, анализ поставленных вопросов во многом носит поверхностный характер. Для работ 1950-х годов в целом характерна определенная описательность, что определялось соответствующим этапом анализа исторических событий.

Изучение развития народного образования было продолжено в 1960-е — середине 1980-х годов. Это время было плодотворно и обогатило историческую науку целым рядом серьезных исследований, выполненных в традициях советской историографии. В литературе данного периода был рассмотрен блок проблем становления советской школы, в частности взаимодействия властей и учительства, руководства развитием социалистической культуры со стороны партийно-советских органов, деятельности властей по совершенствованию школьного дела [12, 18, 20, 31, 36].

К середине 1980-х годов в советской историографии сложился обширный пласт исследований по многим проблемам развития народного образования. Эта литература шла по пути не только количественного, но и качественного прогресса. Работы конца 1970-х — середины 80-х годов дают логическое и стройное изложение положительного опыта становления советской школы. Хотя, надо заметить, что они все же представляют собой односторонне позитивное отражение, образец стереотипов о советском обществе, которые сложились в отечественной историографии того времени.

Несомненным достоинством этих работ является то, что в них привлечен обширный фактический материал и детально освещены различные стороны процесса создания и развития советской образовательной системы. И в настоящий момент представляется необходимым использовать все ценное и конструктивное, что содержится в исследованиях 1960—80-х годов, несмотря на то что жесткие идеоло-

гические рамки, в которые была поставлена историческая наука, нередко вели к тому, что исторический путь советской школы выглядел беспроблемным, оценки давались исходя из сравнения с прошлым, а не между достигнутым и потребностями общества, что в определенной степени преуменьшает ценность данных исследований.

Нельзя не упомянуть и о том, что история народного образования, в том числе и в Коми крае, никогда не входила в число запретных тем для исследователей. Тем не менее в коми историографии, в отличие от общесоюзной, вплоть до конца 1960-х годов так и не было создано сколь-нибудь значительных исследований по проблемам, связанным с историей народного образования.

Эта лакуна не была устранена и ряде обобщающих работ по коми истории, опубликованных в 1960—80-е годы [30, 28, 10, 11]. В силу широкого авторского состава и характера самих изданий, пытавшихся осветить широкий круг вопросов, эти труды страдают определенной фрагментарностью. Впрочем, они выполнили свое главное предназначение — дали связный и достаточно полный анализ (с марксистской точки зрения) истории коми народа. Фактически в первый раз была изложена и история народного образования на территории Коми. Автором разделов по развитию культуры в этих книгах был Я. Н. Безносиков, начавший исследование проблем культурного строительства в Коми автономии еще в 1950-е годы. Итогом работы Я. Н. Безносикова явились несколько монографий, опубликованных в конце 1960-х — начале 1980-х годов [2, 3, 4]. Для нашей тематики особый интерес представляют две его работы: «Культурная революция в Коми АССР» и «Развитие народного образования в Коми АССР» [2, 3].

Данные исследования коми историка последовательно прослеживают процесс создания и развития советской школьной системы в Коми крае, различные аспекты ее функционирования. Сделано это с привлечением значительного количества архивных материалов, иных ценных источников. И именно в создании достаточно целостной картины развития просвещения на территории Коми, введении в научный оборот многочисленных, доселе неизвестных документов заслуга работ Я. Н. Безносикова.

Вместе с тем в книгах Я. Н. Безносикова обращается внимание на различные недостатки, свойственные процессу развития народного просвещения. Именно в его работах впервые говорится, хотя,

возможно, и скупо, о многих проблемах коми школы: о скудном материальном положении образовательных учреждений в годы гражданской войны и НЭПа, о невысоком качестве подготовки советского учительства, пришедшего на смену старым кадрам, о сокращении школьной сети в 1920-е годы и т. д. Впрочем, жесткие рамки, в которых находилась тогда историческая наука, не позволяли сделать многого в этом плане, ведь порой недоступными для использования являлись некоторые материалы, возможность анализа тех или иных проблем была ограничена и т. п. Кроме того, в работах Я. Н. Безносикова основное внимание уделено периоду 30—50-х и начала 60-х годов, проблемы же народного образования первых лет советской власти и дореволюционного времени освещены слабее.

Однако для того времени Я. Н. Безносиков сделал, наверное, наиболее объективный анализ развития народного образования в Коми автономии в различные периоды развития коми школы. Возможно, с позиций сегодняшнего дня эти работы во многих аспектах уже устарели, спорной представляется трактовка ряда архивных материалов. Да и сама подборка источников такова, что многие документы, дающие негативные свидетельства о развитии образования, культуры, не были использованы Я. Н. Безносиковым. Некоторые вопросы вообще не получили освещения — так произошло с темой политических чисток среди коми интеллигенции, педагогов в 1930-е годы. Между тем репрессии затронули и кадры образования: так, сильный удар был нанесен по руководящим структурам Наркомата просвещения Коми АССР, коллективу Коми пединститута, директорскому корпусу школ. И все же книги Я. Н. Безносикова, хотя многие данные в них оценки и представляются ныне несколько спорными, являются ценным вкладом в изучение культуры, народного образования Коми края.

Помимо работ Я. Н. Безносикова, некоторые моменты истории коми школы, а точнее вопросы связанные с подготовкой педагогов для автономии, были затронуты и в публикациях по истории Коми пединститута [9, 32].

Необходимо также отметить, что в 1960—80-е годы в Коми автономии был начат выпуск сборников документов и материалов, посвященных различным проблемам коми истории. Это была общесоюзная тенденция. Вышли и два сборника «Культурное строительство в Коми АССР» [16, 17]. В этих изданиях обнаружен ряд матери-

алов, затрагивающих вопросы развития образовательной системы в республике. Хотя, конечно, можно говорить о том, что подбор опубликованных документов страдал некоторой односторонностью: практически не встречались материалы, которые бы свидетельствовали о негативных явлениях в развитии культуры, однако многие архивные данные благодаря этим изданиям стали доступны широкой научной общественности.

Традиции односторонне положительного освещения проблем развития советского общества в целом и образования в частности были нарушены в конце 1980-х годов в связи с начавшимися в нашей стране переменами. К сожалению, первыми наступившей свободой в трактовке событий отечественной истории воспользовались публицисты, многие из которых непрофессионально, односторонне негативно, часто искажая факты, пытались осветить некоторые вопросы советской и дореволюционной (здесь же стал преобладать малооправданный оптимизм) истории. Для этих публикаций характерен чрезвычайно тенденциозный набор фактов, их подгонка под заранее выбранную схему и predetermined выводы. Эти статьи, с одной стороны, пробуждали общественный интерес к вопросам отечественной истории, с другой — формировали в обществе искаженное, политизированное представление о многих аспектах отечественной истории. Эти тенденции характерны и для публицистических работ конца 80-х — начала 90-х годов о развитии культуры, народного образования, истории отечественной интеллигенции [39, 6].

Таким образом, мы видим, что многие аспекты развития культуры, образования в Коми республике к началу 1990-х годов не получили критического анализа в отечественной исторической науке. В большинстве работ коми историков исторический путь развития школы в Коми крае выглядел беспроблемно. Многие острые углы обойдены. Не были должным образом исследованы явные провалы на начальном этапе развития советской школы в 1920-е годы (в ликвидации неграмотности, в материальном обеспечении, в профессиональной подготовке учительских кадров и т. д.). Как ни странно, учитывая ведущую роль Коммунистической партии в жизни страны, мало был изучен и вопрос о деятельности местной Коми партийной организации ВКП(б) в области культурного строительства. Ведь даже в специальных работах по истории Коми партийной организации эта сторона

деятельности партийных организаций или вообще не изучалась, или ей отведено буквально несколько строк [19, 28, 29]. В трудах же коми историков, посвященных проблемам образования, только упоминаются соответствующие решения центральных и местных органов власти по развитию культуры, о конкретной же деятельности партийных структур говорится мало. А ведь эти работы создавались в период правления Коммунистической партии. Нам представляется, что деятельность парторганизаций по развитию культуры, образования, требовала и требует самого серьезного изучения. Ведь именно политика партии в конечном счете определяла развитие страны, в том числе и в области образования. Причем сделать данный анализ было необходимо всесторонне, учтя все трудности, ошибки, но и не забыв о достоинствах, достижениях, ведь все это соединилось в трудном и извилистом пути развития советской образовательной системы.

Нуждались к началу 1990-х годов в дополнительном изучении и при этом отходе от традиционной схем советской историографии и многие другие аспекты становления народного образования в Коми крае. И это предстояло сделать уже в постсоветский период развития отечественной исторической науки.

* * *

1. Базанов А. Г., Казанский Н. Г. Школа на Крайнем Севере. Л.: Учпедгиз, 1939. 208 с.

2. Безносииков Я. Н. Культурная революция в Коми АССР. М.: Наука, 1968. 234 с.

3. Безносииков Я. Н. Развитие народного образования в Коми АССР. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1973. 175 с.

4. Безносииков Я. Н. Рассвет над Коми. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1986. 183 с.

5. Бубнов А. Всеобщее начальное обучение и культурная революция. М.: Наркомпрос РСФСР — ГИЗ, 1930. 47 с.

6. Гальцева Р. Возрождение России и новый «орден» интеллигенции // Новый мир. 1992. № 7. С. 240—249.

7. Давыдов В. Н. Культурное строительство в Коми автономной области в годы восстановительного периода (1921—1925 гг.) // Историко-филологический сборник. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1956. Вып. 3. С. 20—29.

8. Журнал заседаний I съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Коми автономной области. Усть-Сысольск: Издание Коми обисполкома, 1922. 142 с.

9. Зильберг А. Я. Первый вуз Коми республики. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1972. 107 с.

10. История Коми АССР. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1978. 559 с.

11. История Сыктывкара. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1980. 287 с.

12. Ким М. П. Коммунизм и культура. М.: Политиздат, 1961. 72 с.

13. Коми область в борьбе за социализм: сб. статей. Усть-Сысольск: Коми госиздат, 1931. 365 с.

14. Коми область к 10-летию Октябрьской революции: Юбилейный сборник. Усть-Сысольск: Издательство Коми обисполкома, 1927. 145 с.

15. Королев Ф. Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики (1917—1920). М.: Изд-во АПН РСФСР, 1958. 551 с.

16. Культурное строительство в Коми АССР. 1918—1937: сб. докум. / под ред. Я. Н. Безносикова. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1979. 255 с.

17. Культурное строительство в Коми АССР. 1938—1960: сб. докум. / под ред. Я. Н. Безносикова. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1984. 295 с.

18. Куманев В. А. Социализм и всенародная грамотность. Ликвидация массовой неграмотности в СССР. М.: Наука, 1967. 328 с.

19. Кутькин И. Коми областная организация за 15 лет // Большевицкая мысль. 1931. № 9—10. С. 25—34.

20. Леднев В. П. Партийное руководство педагогическим образованием в РСФСР (1959—1970-е годы). Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1984. 142 с.

21. Луначарский А. В. Просвещение и революция: сб. ст. М.: Работник просвещения, 1926.

22. Медынский Е. Н. Народное образование в СССР. М.: Учпедгиз, 1947. 264 с.

23. Михеев Н. А. Из истории коми начальной школы // Ученые записки Пятигорского пединститута. Вып. IX. (Кафедра педагогики). Пятигорск, 1955. С. 69—106.

24. Мосин В. Начальное образование среди коми народа в прошлом // Коми просвещенец. 1927. № 1. С. 3—18.

25. Народное образование в Северо-Двинской губернии. Великий Устюг: Великоустюжская губернская типография. 1922. 174 с.

26. Народный комиссариат по просвещению. 1917 октябрь — 1920: Краткий отчет. М.: Государственное изд-во, 1920. 112 с.

27. Отчет Коми областного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов рабочим и крестьянам области за 1923/24 год. Усть-Сысольск: Издательство Коми обисполкома, 1925. 67 с.

28. Очерки истории Коми партийной организации. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1964. 428 с.

29. Очерки истории Коми партийной организации. 2-е изд., перераб. и доп. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1987. 510 с.

30. Очерки по истории Коми АССР: в 2 т. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1962. Т. 2. 543 с.

31. Паначин Ф. Г. Педагогическое образование в РСФСР. М.: Педагогика, 1979. 215 с.

32. Первенец высшей школы. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1982. 107 с.

33. Перунов Е. П. Из истории советской школы в Коми // Ученые записки КГПИ. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1953. Вып. 4. С. 34—40.

34. Перунов Е. П. К истории всеобщего первоначального обучения в Коми АССР // Ученые записки КГПИ. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1959. Вып. 7. С. 272—292.

35. Пинкевич А. П. Советская педагогика за десять лет (1917—1927). М.: Работник просвещения, 1927. 145 с.

36. Плясовских В. С. Политика КПСС в области народного образования. Опыт разработки и реализации. М.: Мысль, 1987. 221 с.

37. Подоров В. М. Очерки по истории коми (зырян и пермяков): в 2 т. Сыктывкар: Коми госиздат, 1933. Т. 2. 278 с.

38. Постановления Коми областных партийных конференций (1—5). Усть-Сысольск: Издание Коми ОК ВКП(б), 1929. 55 с.

39. Севастьянов А. И. У истоков. Ленин об интеллигенции // Радуга. 1990. № 2. С. 30—41; № 3. С. 34—40.

40. Ульянов Н. И. Очерки истории народа коми-зырян. М.; Л.: Госиздат, 1932. 182 с.

41. Шахов Н. А. Коми в прошлом и настоящем. Архангельск: Партиздат, 1932. 51 с.

42. Шахов Н. А. Народное просвещение среди коми // Коми просвещенец. 1926. № 1. С. 51—59.

УДК 304.2

В. А. Сулимов

Апофеоз воли: человек в интеллектуальной культуре современности¹

Статья посвящена исследованию переменных аспектов реализации свободы воли. Свобода воли рассматривается как один из факторов социокультурной динамики. Ее реализация зависит от социального доминирования одного из условий: воли к власти, воли к участию или воли к пониманию. Современная социокультурная эпоха (эпоха знания) требует от индивидуума преимущественной реализации «понимающей стратегии». Это приводит к трансформации черт современного человека-в-культуре.

Ключевые слова: человек-в-культуре, социокультурная динамика, стратегия понимания.

V. A. Sulimov. The apotheosis of the will: a man in the intellectual culture of our time.

The article is devoted to the study of the variable aspects of the realization of free will. Freedom of will is considered as one of the factors of socio-cultural dynamics. Its implementation depends on the social dominance of one of the ways of implementation: the will to power. The will to participate or the will to understand. The modern socio-cultural epoch (the epoch of knowledge) requires the individual to realize the «understanding strategy» primarily. This leads to the transformation of the features of modern human-in-culture.

Keywords: man-in-culture, sociocultural dynamics, understanding strategy.

Трансформация персонологических характеристик человека на протяжении длительного исторического периода (по крайней мере трех столетий), несомненно, сопряжена с изменением в связанных между собой областях знания (научного, мифологического, повседневного) и деятельности (научной, производственной, комму-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта № 17-13-11003 а/р РФФИ при финансовой поддержке РФФИ и Республики Коми.

никативно-речевой, мыслительной, повседневной и др.). Глубинная трансформация индивидуального и социального сознания на рубеже тысячелетий, нарастающая сегодня в виде сетевых форм когнитивного взаимодействия, послужила прекращению постепенности, переходу к взрывным типам трансформации. «Хотящий», «волеющий», мотивированный человек, целенаправленная личность, кому обычно историей приписываются успехи и достижения, представляет собой не только (и не столько) многоаспектную, но — разорванную осознающую субстанцию. Эта особая (субъектная) субстанция в силу разнонаправленности мотивационного, проективного и рефлексивного (самопроективного) векторов сознания не способна противостоять бифуркационным стремлениям *independently*, и потому наделена, по Ф. Ницше, главным объединительным качеством — свободой воли. Это мощное *аттракторное* качество (говоря в терминах синергетики) становится одним из интегративных факторов личности (наряду с интеллектуализмом и аксиологической детерминированностью) еще в прошлом веке, определив его многие позитивные и негативные черты. Ф. Ницше показывает обязательность качества свободы воли для преодоления тенденций психокогнитивного распада, для примирения и последующей интеграции линейки человеческих Я: «Свобода воли» — вот слово для этого многообразного состояния удовольствия хотящего, который повелевает и в то же время сливается в одно существо с исполнителем, — который в качестве такового наслаждается совместно с ним торжеством над препятствиями, но втайне думает, будто в сущности это сама его воля побеждает препятствия. Таким образом, хотящий присоединяет к чувству удовольствия повелевающего еще чувства удовольствия исполняющих, успешно действующих орудий, служебных «под-воль» или под-душ, — ведь наше тело есть только общественный строй многих душ» [4, с. 45]. Переживая движение по историческому времени как социальную и личностную драму, человек-в-культуре трансформирует (среди прочего) свое ощущение «свободы воли», да и свое социальное отношение к этому экзистенциальному феномену. *Воля властвовать* сменяется социальным устремлением к совершенствованию человеческого мира (*волей участвовать*) и наконец в последней трети XX века трансформируется в *волю понимать* (в рамках общего когнитивно ориентированного процесса транссоциализации). При

этом очевидно, что все три типа реализации «свободы воли» присутствовали (и присутствуют) в процессе развития человеческого сообщества в течение длительного периода, доминируя на различных его этапах. Доминирование одного из типов реализации «свободы воли» производит трансформирующий эффект на других членов социально-культурной триады *свобода воли — когнитивные состояния (интеллектуализм) — система аксиологических констант*, сказываясь на общем характере и результатах социокультурной динамики.

Доминирующий эффект, проявляющий себя в виде социокультурной динамики, проходит пиковые моменты наиболее эффективного овладения сознанием масс, что зримо дифференцирует культурные эпохи прошлого. Так, доиндустриальный период социокультурного развития испытывал доминирование *воли к власти* (в том числе политической и экономической), что достаточно точно описано Ф. Ницше; индустриальный период социокультурного развития показал массовое пристрастие к выражению социальной воли, протестантский вариант которой описан М. Вебером; наконец, постиндустриальный период приводит социум к массовому использованию знания в экономических и социокультурных целях, что описано Мануэлем Кастельсом в терминах *информационной эпохи (эпохи знания)*. Доминирующий эффект достигается системой эффективных (для определенного периода социокультурного развития) социокультурных практик, позволяющих индивидууму осуществлять целенаправленную и результативную деятельность. В условиях постнеклассического развития мира (и = сознания) большую значимость приобретает механизм перманентной смены доминирующих акцентов или даже персонального выбора этих акцентов в ходе общего процесса деконструкции. Ж. Делез установил этот механизм как социокультурную ситуацию «утечек», которые в виде прорезей и «прорех» в стандартных и привычных параметрах мира, привычных («обычных») социокультурных практиках приводят культурное пространство в неравновесное состояние, «подталкивая» индивидуума путем смены привычного к социокультурному движению/детерриторизации: «Утечки — это примерно то же самое, что движения детерриторизации: они не предполагают никакого возвращения к природе, это пики детерриторизации в устройствах желания» [2, с. 38—39]. Утечки (когнитивные детерриторизации) обозначают путь движения воли к

своему апофеозу: признанию новой сущности социокультурной эпохи, заключающемуся в а) изменении системы идеологий; б) изменении систем управления. Можно констатировать, что в настоящее время в большинстве «развитых» стран мира продолжается апофеоз воли к социальному действию, свойственный индустриальной эпохе, а в ряде других стран все еще доминирует представление о «волении» как жажде идеологической, политической или экономической власти. Вместе с тем «утечек», свидетельствующих о переходе к массовому типу постиндустриального сознания, становится все больше¹.

Интересны и другие наблюдения в этой области. Особенно связанные с чертами универсального «игрока» социокультурной динамики — человека-в-культуре. Человек-в-культуре, описываемый в контексте социально-культурной деятельности и/или состояния (Макс Вебер, П. А. Сорокин, Т. Парсонс, М. С. Каган), порожденных стремлением к реализации воли (Ф. Ницше) и определивших основную европейскую динамику XX века, оказался в ситуации бифуркационного слома. Этот слом, свойственный ускоряющимся нелинейным системам (в том числе культуре как целому), стал проявлять себя на фоне информационного взрыва в виде деструкции неравновесных систем (А. Назаретян), в зоне действия которой оказывается и человеческая личность (А. Г. Асмолов). Можно говорить о переходе системного сознания, основанного на базовом (традиционном, упорядоченном) тезаурусе и подкрепляемого устойчивой картиной мира, в сверхсистемное состояние сознания, уже включающее в себя возможности и предпосылки интеллектуальной деятельности вне зависимости от образовательной (понимающей) этапности. Воля к познанию и деятельности, столетиями стимулировавшая человеческое развитие в условиях культурных сообществ прошлого, превращается в апофеоз воли — способность выйти за пределы существующего культурного сообщества в область моделирования новой социальности, нового тезауруса, нового культурного и языкового кода. Двойное кодирование языка — речи — сообщения (системно-языковое и одновременно культуроориентированное), известное из трудов Ф. де Соссюра, Н. Хомского или Л. Витгенштейна, преобразуется

¹ Один из ярких примеров «нового» социального поведения — монстрации: тип демонстрации без политических лозунгов, который можно условно назвать когнитивной манифестацией.

в тройное кодирование, где интегрированное речемыслительное действие выступает в виде «сразу»-текста, ориентированного на кластерные образования интеллектуального пространства культуры.

Культура современности, основанная на расширяющемся и уплотняющемся интеллектуальном пространстве, требует все больших усилий по преодолению инертности форм сознания, овладению набором эффективных интеллектуальных практик и в конце концов перестройки не только всей структуры индивидуального (и + социального) сознания, но и новых областей деятельности.

Можно выделить задачи такого развития человека:

а) задачи формирования динамичного и бесконфликтного общества развития (взамен общества индустриального типа — общества потребления);

б) задачи развития нового типа человека-в-культуре — универсального интерпретатора-исследователя, или *человека познающего*;

в) задачи развития нового способа массового освоения чувственной реальности — когнитивно-интеллектуального или интегрального (взамен сложившегося в эпоху Нового времени и Высокого Модерна конца XIX — начала XX века персоналистического или структурно-семиотического);

г) задачи формирования интегрированных кодов коммуникации, уже включающих исследовательские и проектные модели преобразования реальности, на ранних этапах обучения и самопознания личности.

Эти аспекты философско-культурологического осмысления нового облика человека-в-культуре имеют вполне ясный теоретический смысл и область своего практического применения.

В первой четверти XXI века становится все более ясным, что речь идет о быстро нарастающем и неумолимом феномене расширения сознания человека, включающего в свои *структуры понимания* все больше информационных единиц и целостных ресурсов, объединенных по функционально-сетевому и кластерному типу. Они могут обладать концентрической и/или полевой внутренней структурой, быть дискретными или дисперсными, иерархическими или распределенными. Это кажущееся смешение элементов, структур, тенденций и методов тем не менее объединяется одной доминирующей тенденцией: интеллектуализацией пространства социального

(и = индивидуального) бытия. Предугадывая этот тренд, П. Д. Успенский писал еще в 1911 году: «У человека рост сознания заключается в росте интеллекта и в сопутствующем ему росте высших эмоций: эстетической, религиозной, моральной — которые по мере своего роста все более и более интеллектуализируются, причем одновременно с этим интеллект проникается эмоциональностью, перестает быть «холодным». Таким образом, духовность есть слияние интеллекта с высшими эмоциями. Интеллект одухотворяется от эмоций; эмоции одухотворяются от интеллекта» [6, с. 150].

Описанный П. Д. Успенским «рост», или, точнее, расширение сознания, представляет собой расширение *программ деятельности*, включающих также цели, средства и единицы деятельности за счет переноса целей приложения деятельности (программ или образов будущего) (Степин, 2014, с. 94—95) с предметных на виртуальные (интеллектуальные, ассоциативно-образные, комбинированные), а модельных практик с предметных (вещных) моделей и систем на виртуальные (в т. ч. принципиально непредставимые и слабо восприимчивые) инсайтные практики. Разнонаправленность и внутренняя «неорганичность» этих практик, выросших из абстрагированных научно-теоретических систем и логических высказываний высокого уровня абстракции («приземленной в сферы деятельности»), тем более их отсутствие, могут разорвать индивидуальное сознание, неспособное усвоить и понять ризоматический калейдоскоп современности. Необходимое для выстраивания области образования единства *я-мира* (в вариантах «себя-в-мире» и «мира-в-себе») способно обеспечить обновляемые, но исторически обусловленные духовные сущности — мировоззренческие универсалии, позволяющие выстроить некоторую условную матрицу я-вещей и я-идей (в искомым вариантах «себя-в-мире» и «мира-в-себе»). В. С. Степин определяет понятие мировоззренческих универсалий следующим образом: «Мировоззренческие универсалии — это категории, которые аккумулируют исторически накопленный социальный опыт и в системе которых человек определенной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит в целостность все явления действительности, попадающие в сферу его опыта» [5, с.108]. Мировоззренческие универсалии, будучи духовными сущностями, возвращают разорванному современным информационно перенасыщенным простран-

ством индивидуальному сознанию единый осмысленный ракурс, прекращая действие следующих негативных факторов:

а) *фактора информационной глобальности* (за счет включения фильтра национально ориентированной культуры или семиосферы, по Ю. М. Лотману);

б) *фактора логико-когнитивной противоречивости* знаниевых блоков и когнитивно-семиотических сред их существования (за счет включения механизмов «больших культурных ассоциаций», абдуктивно-дискурсивных сред и инсайта);

в) *фактора социально-культурной дезориентации* деятельности и амбивалентности поведения (за счет включения универсальных аксиологических рамок).

Мировоззренческая платформа образования, состоящая, по сути дела, из интериоризированных текстовых фрагментов и ментальных схем их обобщения, имеет тенденцию к смысловому структурированию в виде индивидуальной картины мира, а потому становится обязательным элементом образования. Образование человека, повторяя исторические пути формирования современной культуры, дает человеку ресурс, когнитивную волю для *преодоления* инертности и разрывности человеческого существа как феномена природного мира. Стремясь к «чистому существованию» под влиянием, а то и наравне с Божественным Духом, человек подвергается физическому и ментальному разрушению, морально-нравственной и когнитивной деструкции тем более, чем более перестает стремиться к внутреннему преобразению (преодолению), перестает тратить свой нервно-энергетический ресурс. Человек как бы пытается обосновать себя самого в качестве *истинного бытия* и тем самым вступает на опасный путь когнитивного распада: «Пытаясь обосновать себя в качестве бытия, а не «ничто», человек уничтожил бы себя как человека, как свободу. Но достоинство человека в том, что ему ничто не дано в полной мере и всего нужно добиваться, прорываясь, надрывая душу, мучаясь, страдая» [1, с. 116]. Человек, представляя собой не только «человека в пути», но «человека карабкающегося» вверх по социально-культурной вертикали, все время стоит перед дилеммой: «включать» систему собственного преобразования, связанную с преодолением инертного течения самобытия «к смерти» и потому чрезвычайно затратную энергетически, или отдаваться ходу времени, диктующему

щему энергетически незатратную директорию само-не-обоснования. Эта альтернатива (по смыслу нравственного выбора: духовное само-строительство / духовное не-само-строительство) настолько судьбоносна для человека, что стала одной из главных тем Священного Писания. В Евангелии от Луки сказано: «Ученик не бывает выше своего учителя, но и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его» (Лук.6,40). Само-обоснование и/или само-усовершенствование в попытке *тотального преодоления* (невозможное, по нашему убеждению, вне личностного (и = когнитивного) влияния учителя-наставника) родовой недостаточности человека, выраженной в его энтропии ситуативного рассеивания и вечной незавершенности есть постижение Духа в его индивидуальном и социально-культурном исчислении. Именно антиэнтропийная деятельность культуры как гиперфеномена человеческой социальности делает возможным преодоление *роковой недостаточности* человека: «...человек является недостаточностью, онтологическим источником любой недостаточности, незавершенности, которую можно обнаружить в мире. Человек — это непрерывное преодоление любой формы существования, незавершенная распадающаяся тотальность и отрицание конкретного бытия, невозможность совпасть или отождествить себя с какой-либо реальностью, это непрерывно рассеивающаяся структура» [1, с. 117].

Движение по пути самоусовершенствования, обязательно подкрепленное участием в образовательном процессе, есть сочетание нескольких факторов:

- 1) реакции на понимание (иногда — простое ощущение) своей недостаточности;
- 2) стремления к преодолению как к проявлению внутренней свободы (свободы воли);
- 3) акта духовного само-строительства как возможность избежать тотальности гибели и разрушения.

В этом понимании образование (в том числе образование в науке и искусстве) является наиболее существенным феноменом культуры, определяющим онтологически обусловленное место индивидуума в структуре Космоса, а не набор принципов и постулатов гносеологического характера. Современное образование (как и магические и мифологические системы прошлого) имеет собственно культурный, а потому не только трансцендентный, но и сакральный

смысл. Можно говорить об образовании как глобальной социкультурной практике обязательного (или = желательного) самопознания человека-в-культуре — главном условии его становления.

Поэтому «предметность» образования, как и его «межпредметность», становится несущественным фактором, всецело зависящим от социальной и/или индивидуальной картины мира, доминирующих в определенный социально-культурный период развития человека и общества. Знание «не работает» как набор устойчивых истин и постулатов, оно представляет собой точку соприкосновения виртуальной реальности сознания (в виде картины мира) и виртуальности предметного текста как особого текста культуры. Мераб Мамардашвили по этому поводу писал: «...при анализе отношения «предмет—знание» необходимо учитывать, что в предмете есть особое, общественной историей науки закрепляемое содержание деятельности мысли, которое функционирует и разрабатывается внутри самой науки, и именно оно, а не безразличный к деятельности объект пассивного восприятия направляет строй мысли в процессах получения нового знания» [3, с. 22]. Когнитивное действие, направленное на самое себя, «знание для понимания», т. е. без ясной прагматической цели, является формой реализации апофеоза воли как ценностного самого по себе желания понимать всю сложность мира-в-себе и себя-в-мире. Понимать, чтобы создать основания его (мира) новой креативизации — собственно человеческой.

* * *

1. Губин В. Д., Некрасова Е. Н. Человек в трех измерениях. М.: РГГУ, 2010. 321 с.
2. Делез Ж. Мая 68-го не было. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 96 с.
3. Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления. СПб: Азбука; Азбука-Аттикус, 2011. 288 с.
4. Ницше Ф. В. По ту сторону добра и зла. М.: Эксмо, 2015. 1008 с.
5. Степин В. С. Программирующие функции культуры в человеческой жизнедеятельности // Культурогенез и культурное наследие / науч. ред. и сост. А. В. Бондарев. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 91—121.
6. Успенский П. Д. Tertium organum: ключ к загадкам мира: репринтное издание. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 241 с.

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.012

П. В. Васильев

Преемственность подходов к пониманию сущности педагогического взаимодействия в педагогической теории и практики 20-х гг. с дореволюционной педагогикой

В истории отечественной педагогики первая треть XX в. представляла собой единый этап в отношении понимания взаимодействия учителя и учащегося. На протяжении данного периода представления о взаимодействии участников педагогического процесса эволюционно развивались в направлении развития идеи субъект-субъектного взаимодействия. Наиболее заметными подходами, развивавшими указанную идею, являлись «естественное воспитание» и «педагогика среды».

Ключевые слова: учитель, учащийся, педагогический процесс, взаимодействие, объект и субъект образовательного процесса.

P. V. Vasilyev. Continuity of approaches to understanding of essence of pedagogical interaction in the pedagogical theory and practice of the 20th with pre-revolutionary pedagogics

In the history of domestic pedagogics the first third of the XX century represented a uniform stage concerning understanding of interaction of the teacher and the pupil. Throughout this period of idea of interaction of participants of

pedagogical process evolyutsionno developed in the direction of development of idea the subject — subject interaction. The most appreciable approaches developing specified idea, «natural education» and «environment pedagogics» were.

Keywords: *teacher, pupil, pedagogical process, interaction, object and subject of educational process.*

Одна из особенностей педагогики 20-х гг. состояла в ее значительной преемственности с отечественной педагогикой предшествующего десятилетия. Несмотря на видимое изменение педагогической риторики, основные признаки «новой» школы практически полностью воспроизводят набор педагогических идей прогрессивной дореволюционной педагогики. Мы можем увидеть в России 20-х гг. и прежние ценности педоцентрической педагогики, и борьбу со «старыми» субъект-объектными подходами, и все тот же набор средств, предлагавшихся для построения субъект-субъектного взаимодействия в педагогическом процессе. Основные изменения состояли лишь в том, что прекратила свое существование официально-государственная педагогика дореволюционного периода, а религиозно-философское течение переместилось в пространство русского зарубежья.

Отечественная педагогическая наука 20-х гг. по-прежнему опиралась на ценности педоцентризма. Ученые-педагоги тех лет по-прежнему ставили в центр педагогической системы ребенка с его жизненным опытом, его интересами, стремлениями, потребностями, его саморазвитием.

Действительно новой в 20-е гг. была практика работы школы. Те педагогические идеи, которые в начале XX в. выдвигались педагогами-теоретиками и апробировались в практике отдельных школ, теперь получили право на проверку в массовой школьной практике. Таким образом, практика 20-х гг., с одной стороны, «отрабатывала» идеи двух предшествующих десятилетий, с другой — ориентировалась на новый, «партийный» образовательный заказ, что образовывало нередко причудливую эклектику различных, а подчас и взаимоисключающих подходов.

Рассмотрим некоторые важнейшие подходы к построению субъект-субъектного педагогического взаимодействия, существовавшие в педагогической теории 20-х гг. и апробировавшиеся на практике.

Естественное воспитание — гуманистический подход в педагогике первой половины 20-х гг., унаследовавший многие черты дореволюционного «свободного воспитания».

В России в начале XX в. его поддерживали и развивали К. Н. Вентцель, И. И. Горбунов-Посадов, С. Т. Шацкий и ряд других педагогов. Они были едины в том, что важнейшей целью воспитания является свободное и разностороннее развитие детской личности, раскрытие в каждом ребенке его индивидуальных особенностей и лучших нравственных качеств; ребенок и воспитатель представлялись равноправными участниками педагогического процесса. Отношения между учителем и учеником рассматривались сторонниками свободного воспитания как отношения равенства, учитель, по их мнению, не должен иметь никакой власти над учеником. Главным средством, главным орудием свободного воспитания становился личный пример учителя.

Одновременно с этим представители свободного воспитания исходили из того, что цель воспитания не может быть привнесена извне, авторитарно задана, а должна вытекать из законов развития детской природы. Процесс воспитания понимался ими как творческое самораскрытие человеческой души. Любой, даже самый незначительный акцент на том, что ребенок может быть не только субъектом своего саморазвития, но и объектом внешнего воздействия, рассматривался представителями данного направления как посягательство на главную ценность — его внутреннюю свободу.

Таким образом, ребенок являлся самоцелью свободного воспитания. Поясняя этот момент, К. Н. Вентцель говорил о том, что воспитание должно служить самому себе и не иметь никакой «внешней цели» [5, с. 125].

Современные историки педагогики отмечают влияние идей свободного воспитания на «Положение о единой трудовой школе» [7, с. 15].

Наиболее последовательно идеи естественного воспитания отстаивал в эти годы П. П. Блонский. «Социалистическое и естественное воспитание — синонимы», — утверждал он [2]. Трудовая школа, предлагаемая П. П. Блонским, резко контрастировала с дореволюционной школой, практически являясь ее антиподом, и была выдержана в духе, близком к свободному воспитанию. «Воспитание, — писал

П. П. Блонский в 1919 г., — должно быть не отработкой, не отшлифовыванием, но внутренним стимулированием развития ребенка» [2, с. 179].

Другой видный советский педагог тех лет, А. А. Пинкевич, в 1923 г. отмечал, что воспитание есть «содействие всестороннему развитию здорового, сильного, активного, смелого, самостоятельно мыслящего и действующего... человека-творца, человека-борца» [9, с. 32]. Отметим акцент на воспитании «самостоятельно мыслящего и действующего» человека, т. е. на воспитании субъектной позиции. Этот акцент близок устремлениям либерально-демократического крыла дореволюционной российской педагогики.

Таким образом, одной из важнейших задач в педагогике естественного воспитания в 20-е гг. выступала поддержка собственной субъектной позиции учащегося, развитие его самосознания, обеспечение условий для его личностного самоопределения (проходившего в русле практического участия школьников, в разносторонне понимавшейся «революционной борьбе»).

В то же время теоретические разработки идей «естественного воспитания» в 20-е гг. достаточно слабо отразились в школьной практике. Скорее, в ряде случаев происходило «встречное движение снизу», выразившееся в стремлении ряда педагогов, особенно в период 1918—1921 г., самостоятельно строить педагогический процесс на новых основаниях, полностью противоположных дореволюционной школе. Характерный пример приводит в своей работе историк педагогики Ф. Ф. Королев. Учительница одной из школ Самарской губернии в своем отчете сообщала, что переложила всю работу на плечи учащихся и требовала, чтобы каждый учащийся старался по возможности все сделать самостоятельно, пользуясь указаниями учительницы лишь в трудных случаях. Учительница как бы с гордостью писала: «Я ухожу из роли учительницы, а становлюсь руководительницей, предоставляя учащимся самостоятельно, творчески работать» [6, с. 315].

В 20-е гг. активизировалась разработка еще одного подхода, сформировавшегося в дореволюционный период, а именно идеи **«педагогики среды»**. В послеоктябрьский период возникло своеобразное представление о воспитании как о целенаправленной деятельности широкой общественности, которой руководят квалифи-

цированные работники просвещения. Формированию этого представления во многом способствовало провозглашение воспитания в Советской республике общественным делом. В данном случае субъектом педагогического процесса наряду с учителем впервые стала рассматриваться общественность.

Об этом прямо писал П. П. Блонский в своей статье «Учитель трудовой школы»: «Скоро ли создастся новая трудовая школа?... Ни на секунду раньше, нежели когда примут участие в ее строительстве широкие народные массы. Народная трудовая школа создается не только для народа, но и народом. И только когда наш народ станет «субъектом образования», ... только тогда и может быть речь о народном образовании в подлинном смысле этого слова» [3, с. 69].

В рамках педагогической дискуссии 20-х гг. активно обсуждались два вопроса, связанные с идеей педагогики среды. Первый: может ли педагогика ограничиваться изучением только школьного процесса воспитания, или педагогическая наука должна расширить свои границы и исследовать «широкий воспитательный процесс», охватывающий все стороны жизни личности? Второй вопрос: должна ли педагогика изучать только процесс воспитания детей или же ее предметом является процесс воспитания человека в течение всей его жизни?

По словам педолога М. Я. Басова, в которых выразилось типичное для 20-х гг. мнение, школьный процесс есть лишь часть всего педагогического процесса в целом, так как «воспитывает человека не только школа, но и вся общественная среда» [1, с. 22].

Наиболее активно идеи педагогики среды отстаивала видный педагог 20-х гг. М. В. Крупенина. По ее мнению, субъектом воспитания должны стать все взрослые граждане. Для этого должно было произойти «отмирание школ», иначе говоря, трансформация нынешних школ в школы-предприятия, школы-колхозы и т. д., где не будет учителей в традиционном смысле слова [8].

Свои педагогические идеи М. В. Крупенина частично апробировала на организованной ею Станции социального воспитания при Трехгорной мануфактуре. Это было объединение, включавшее в себя 10 школ, 10 детских садов, детскую библиотеку и клуб. Основной проблемой, которая находилась в центре внимания педагогического коллектива, являлось исследование путей включения учащихся

в активную деятельность по преобразованию окружающей среды. Воспринимая эту среду изначально как достаточно консервативную и даже реакционную, педагоги вовлекали учащихся в осуществление самой различной работы, связанной с политическими компаниями, санитарно-гигиенической деятельностью, благоустройством, борьбой за здоровый образ жизни. Считалось, что именно благодаря активному участию детей в конкретных делах удастся не только сформировать необходимые нравственные качества детей, но и существенно изменить жизнь их родителей, взрослых в целом [4, с. 101—102].

По-видимому, М. В. Крупенина не замечала противоречия: утверждая в теории, что среда должна воспитывать учащихся, на практике она занималась прямо противоположным — силами учащихся перестраивала среду. Все это, на наш взгляд, лишний раз свидетельствует об утопичности самой идеи «педагогизации среды», разработка которой началась в отечественной педагогике еще в дореволюционные годы.

Итак, выделим характерные особенности в представлениях о педагогическом взаимодействии, свойственные отечественной педагогике 20-х гг.

Во-первых, как мы уже отмечали, в указанный период преемственно и эволюционно развивались подходы, основанные на ценностях педоцентризма и направленные на гуманизацию педагогического процесса, на придание ему субъект-субъектного характера. Для этого предлагались такие уже известные ранее средства, как построение отношений сотрудничества педагогов и детей в трудовой и учебной деятельности; использование организационных форм и методов обучения, способствующих активизации учебного процесса (исследовательский метод, Дальтон-план, «метод проектов»); организация внеклассной деятельности учащихся; «педагогизация среды». Относительно новым средством можно считать педагогическую технологию воспитания в коллективе.

Во-вторых, в 20-е гг. представления о понимании сущности взаимодействия педагога и воспитанника в педагогическом процессе обогатились следующими основными представлениями: представлением о сложной диалектике субъектного и объектного начал в позиции ребенка как участника педагогического процесса; идеей ре-

ализации субъектной позиции учащегося посредством постановки его в позицию субъекта построения своего индивидуального образовательного маршрута; представлением о внешкольной общественности как о (потенциальном) субъекте педагогического процесса; идеей полисубъектного воспитательного процесса в условиях воспитания в коллективе на основе «параллельного педагогического воздействия».

Таким образом, первая треть XX в. (с начала столетия до начала 30-х гг.) представляла собой в отношении понимания взаимодействия учителя и учащегося единый историко-педагогический этап. Сами же представления о взаимодействии участников педагогического процесса эволюционно развивались в направлении развития идеи субъект-субъектного взаимодействия.

* * *

1. Басов М. Я. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1975. 432 с.

2. Блонский П. П. О наиболее типичных ошибках при организации трудовой школы // Блонский П. П. Избранные педагогические и психологические сочинения / под ред. А. В. Петровского. М.: Педагогика, 1979. Т. 1. С. 165—180.

3. Блонский П. П. Учитель трудовой школы. М.: Издательский дом Ш. Амонашвили, 2000. С. 63—70. (Антология гуманной педагогики).

4. Богуславский М. В. XX век российского образования. М.: ПЕР СЭ, 2002. 336 с.

5. Вентцель К. Н. Свободное воспитание: сборник избранных трудов. М.: Профессиональное образование, 1993. 172 с.

6. Королев Ф. Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1917—1920. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1958. 551 с.

7. Котряхов Н. В., Холмс Н. Е. Теория и практика трудовой школы в России (1917—1932 гг.). Киров: Кировский пединститут, 1993. 95 с.

8. Крупенина М. В., Шульгин В. Н. В борьбе за марксистскую педагогику. М.: Работник просвещения, 1929. 185 с.

9. Пинкевич А. П. Педагогика. М.: Работник просвещения, 1923. Т. 1. 256 с.

УДК: 378.022:81:243

В. М. Гурленов

**Мышление и речемышление
в обучении иностранным языкам**

В статье раскрывается содержание терминов «мышление» и «речевое мышление». Разграничение этих явлений необходимо для понимания и объяснения процесса обучения иностранным языкам. Речемышление представляется как вербально-образный процесс порождения и восприятия мыслительного содержания мышления. Выявляется роль образа как чувствования и слова как движения в речемышлении.

Ключевые слова: мышление, речемышление, образ, слово, И. М. Сеченов.

V. M. Gurlenov. Thinking and verbal thinking in teaching foreign languages.

The article identifies the meaning of “thinking” and “verbal thinking”. Distinction of these two notions is needed for a better understanding and clarification of teaching a foreign language as a process. Verbal thinking is defined as a verbally descriptive process of creation and perception of cogitative content of thinking. The article states the roles of image as a feeling and word as a movement in verbal thinking.

Keywords: thinking, verbal thinking, image, word, I. M. Sechenov.

В любой науке, а тем более в осмысленной практике, претендующей на творческий потенциал и значимый результат, необходимо добиваться объективации естественно-научных знаний, которые должны стоять за используемой учеными терминологией и объяснять её. При обучении иностранным языкам встает необходимость разграничения понятий и явлений *мышления* и *речемышления* (речевого мышления).

Вероятно, прежде всего, необходимо условиться представлять явление мышления в двух несомненно разных планах: **извне** — в плане отстраненного объекта рефлексии и **изнутри** — в плане внутреннего протекающего процесса.

Представление мышления извне

Изучаемое извне мышление, как и любое явление, может раскрываться с разных сторон: как этап в познавательной деятельности человека, как одна из его психических функций, как абстрактно-дискурсивный механизм, как механизм переработки информации. Наиболее распространенное рабочее определение функционального мышления следующее: это «процесс решения проблем, выражающийся в переходе от условий, задающих проблему, к получению результата» [8]. Слово *процесс* не должно здесь обманывать. Процесс рассматривается в данных контекстах не изнутри, а в виде его слагаемых: *условий, проблемы, результата*.

Таким образом, можно условиться понимать *мышление* как процесс решения проблем, задач, процесс нахождения информации. Этот ракурс позволяет раскрыть в мышлении (правильнее — в психике мыслящего субъекта) следующие важные моменты:

— директивно-ситуативный характер мышления: «внутреннее, активное стремление овладеть своими собственными представлениями, понятиями, побуждениями чувств и воли, воспоминаниями, ожиданиями и т. д. с той целью, чтобы получить необходимую для овладения ситуацией директиву» [9];

— опытно обусловленный характер мышления в виде различного рода состояний¹: мышление «предполагает наличие у когнитивного субъекта внутренних когнитивных состояний», которые можно назвать «интенциональными состояниями» [10];

— инструментальный состав мышления: «мышление ... состоит в постоянной перегруппировке всех возможных содержаний сознания и образовании или разрушении существующих между ними связей» [9]. Как можно понять, речь здесь идет о наборе умственных операций (анализа, синтеза, сравнения, выделения главного, классификации и т. п.), которым пользуется развитое мышление. Важно понять, что эти операции являются только инструментарием в реализации познавательных устремлений человека. Поэтому нельзя ставить знак равенства между умственными операциями и познанием, как это часто делается при составлении технологических карт урока учителями школ.

¹ О важности использования понятия «психическое состояние» в понимании процесса обучения иностранным языкам нам уже приходилось говорить [10].

Представление мышления изнутри

Такое представление восходит к И. М. Сеченову, который видел в мыслительном процессе неразрывное единство чувствования и движения: «...в основе актов мышления, содержанием которых является сравнение, наблюдение не открывает ничего, кроме частого возбуждения чувствующих снарядов и связанной с ним репродукции предшествовавших сходных впечатлений с их двигательными последствиями» [6, с. 230]. Основа этого единства, по И. М. Сеченову, содержится как в филогенезе (чувствование порождает движение, движение развивает и совершенствует чувствование), так и в актогенезе (чувствование руководит движением, движение дифференцирует чувствование).

Следует напомнить в связи с выявлением роли чувствования в мышлении и известное предостережение И. П. Павлова о том, что «основные законы, установленные в работе первой сигнальной системы, должны также управлять и второй, потому что это работа все той же нервной ткани» [5, с. 234].

Примем в качестве исходного понятия определение речевого мышления (данное опять-таки физиологом!): «Мышление — это работа мозга, в результате которой человек может при помощи слов и образов представить и выразить самые различные состояния своего организма и свое отношение к реально существующим и мнимым предметам и явлениям действительности» [1, с. 262]. В этом определении есть фрагмент, который указывает на психологический механизм речемышления: «*при помощи слов и образов*». Следовательно, речемышление — это вербально-образный процесс, в котором оба компонента являют собой единое функциональное целое (движение и чувствование), так, как это понимал И. М. Сеченов.

Дальнейшее рассуждение наталкивается на проблему образа. С точки зрения физиологии мозга образ и понятие представляют собой лишь крайние точки континуума, в котором располагаются точные ансамбли и последовательности разных уровней, отвечающие более узким и более широким классам объектов» [7, с. 155].

Вероятно, следует различать два плана при оперировании термином *образ*. Первый план — процессуальный. Здесь мы видим, что все образования в психике человека, известные как традиционные предметные образы, цели, смыслы, понятия, имеют один и тот же

процессуальный генезис и одну и ту же форму актуального бытия в человеке — форму симультанно переживаемых образований, которые мы обозначаем общим термином **образ**.

Второй план — план объектной рефлексии, при которой образы действительно предстают перед исследователем как имеющие разный отражательный генезис, и с этой точки зрения они изучаются объектно, как отличающиеся друг от друга образования.

С точки зрения первой позиции становится неважным вопрос о том, как образы появились в сознании — опытно-практическим ли путем (житейские понятия, смыслы) или в результате специального обучения (научные понятия). Важным становится, напротив, то, насколько они оказались **пережитыми** человеком в его деятельности и легли в основу образно-вербального механизма его речемышления.

Учет же второго плана дает обучающему ответ на вопрос, как с наименьшими затратами сил и времени обеспечить приобретение (присвоение) обучающимися общественно-исторического опыта, зафиксированного обществом в содержательных формулах в виде выводных отрефлексированных понятий, знаний, смыслов.

Итак, образ как обобщающее понятие есть психическая представленность (репрезентация) являющегося человеку мира в его сменяющих друг друга мгновениях: фактах, ситуациях, сценариях, смыслах, отношениях, характеристиках, схемах, понятиях (согласно концепции И. М. Сеченова — его запечатленное/запечатлеваемое чувство).

Обратимся ко второму феномену в связке *«при помощи слов и образов»* — **слову**.

Слово есть знак. Знаки всегда материальны. Они представляют собой либо звуковые волновые колебания (в устной речи), либо графические значки (в письменной речи).

Знаки служат для все более и более тонкого и дифференцированного членения, отражаемого в мышлении мира, который является человеку в процессе его предметно-практической деятельности в форме образов, и обозначения (называния) этих образов (по И. М. Сеченову).

С одной стороны, как известно, язык появился и развился в процессе предметно-практической деятельности. Эта деятельность, не-

смотря на то, что мир един для всех людей, всегда обладает индивидуальными особенностями (зависящими от особенностей индивидуальных деятельностей, особенностей условий, климата и др.). Следовательно, членение образов являющегося мира и их название (обозначение) в каждой индивидуальной деятельности будет уникальным. Здесь сама предметно-практическая деятельность порождает язык. Именно она диктует членение образов и их название. Она — суверенна (диктатор!). Язык-слово творится в индивидуальных предметно-практических деятельностях.

С другой стороны, человек, как коллективное животное, всегда нуждается в информации, необходимой для его деятельности. Язык-слово и есть материальный носитель такой информации. Если предлагаемое членение образов являющегося мира и их название в индивидуальных деятельностях ощущается большинством членов коллектива как удобное и отвечающее их нуждам, то оно принимается и присваивается людьми как универсальное. В данном случае суверенным (диктатором!) становится язык. Так он становится национальным. Поэтому в этих границах верно утверждение в том, что мы воспринимаем мир через призму языка. В этом и состоит еще одна тонкость, которая не всегда бывает ясна при раскрытии роли языка в мышлении и которая заключается в следующем. Распространенным является мнение о том, что язык обозначает предметы, отражаемые человеком. В. фон Гумбольдт совершенно справедливо говорил, что это представление неверно: «... слово возникает ... на основе ... восприятия; оно есть отпечаток не предмета самого по себе, но его образа, созданного предметом в нашей душе» [2, с. 80]. Эту мысль находим и в современной лингвистике: «... знаки нельзя считать носителями значений в том смысле, что значения не заключены в них, не составляют часть материального тела знака. Более точно то представление, что знаки не несут и не передают значения (это метафора) от одного человека к другому, а индуцируют тождественные или сходные значения, возбуждают аналогичные информационные процессы в двух сознаниях» [4, с. 16].

С одной стороны, мы привыкли отождествлять слова, обозначающие как будто одно и то же явление в разных языках: русское слово *зима* = *winter* в английском языке. Однако все дело в том, что и *зима* и *winter* обозначают не сами явления, а их национально обусловленные

образы, запечатленные в национальной ментальности. Только у северных народов, в данном случае у русского, могло появиться «...и рады мы проказам матушки зимы!», выражающее особое, любовное отношение к этому природному времени года. Среднеевропейский образ зимы скорее ощущается как неприятный, гнилой сезон.

Еще один пример. Мы, русскоязычные, привыкли к тому, что образ весны у нас связывается с красивой молодой девушкой, поскольку само слово *весна* — женского рода. Во франкоязычной ментальности *le printemps* — слово мужского рода, следовательно, оно порождает мужской образ. Слово становится суверенным! В природе, кроме живых существ, нет родовых признаков, а в языках они есть, и они влияют на специфику национальных ментальных образов.

Читатель может поставить на себе следующий эксперимент и убедиться в правильности данных утверждений. Ответом на вопрос: «Что **значит** слово *Monday* в английском языке или *lundi* во французском?» — будет, как правило, *понедельник*. Однако правильный ответ должен быть — *день луны!* Ответ *понедельник* был бы правильным, если бы вопрос звучал следующим образом: «Как **переводятся** эти слова?»

Принимая во внимание вышесказанное, можно сделать вывод о том, что методика обучения иностранным языкам может основываться на двух противоположных концепциях о роли знаков-слов в психике человека:

— образный мир у всех наций един, поскольку язык является средством означения предметов и явлений объективного, внеположенного человеку мира (зима = *winter*);

— образный мир у каждой нации уникален, поскольку язык вместе с национально обусловленной практикой является средством формирования этих образов (зима ≠ *winter*).

Согласно первой концепции, достаточно сформировать в мозгу параллельный знаковый код, который бы означал (отмечал знаками) универсальные, единые для обоих языков образы, которые и являются содержанием универсального, единого для всех народов мышления.

Согласно второй концепции, задача представляется намного более сложной: формируя в мозгу человека иноязычную знаковую систему, приходится формировать и соответствующую ей национально

уникальную образную систему в единстве, которое называется здесь **речемышлением**.

Реальный процесс обучения иностранным языкам осуществляется как на основе первой, так и второй концепций.

Проще всего в обучении иностранным языкам не обращать особого внимания на особенности национальной ментальности и «связывать» слова напрямую: зима = *winter*. В самом деле, в большинстве случаев недоразумений в общении не произойдет. Это — экономичный «параллельно-кодовый» прием. Он применяется в условиях отсутствия на занятии инокультурной предметно-практической деятельности, которая и призвана порождать иноязычные образы. Однако при всей привлекательности этого подхода (он ничем не осужден) мы получаем «родноязычную иностранную» речь.

Современные инструментари (прежде всего материалы интернет-сайтов) позволяют в определенной мере восполнять отсутствие ощущений инокультурной ментальности при овладении иностранной речью.

Так или иначе обучающий обязан тонко чувствовать и понимать, когда ему достаточно строить процесс обучения на основе первой концепции, а когда прилагать все усилия для того, чтобы формировалось иноязычное речемышление, которое и должно быть его целевым идеалом.

Далее необходимо уточнить, что кроется для обучающего иностранным языкам под термином *слово*. Безусловно, это не только лексика, но и грамматические явления, которые организуют речь. Будем понимать в дальнейшем под тем, что было обозначено до сих пор термином *слово*, любые языковые формы (движения, по И. М. Сеченову), означающие, оречевляющие образы.

Проблема понимания процесса речемышления состоит еще и в том, что это двусторонний процесс: с одной стороны, человек строит на основе своих образов мыслительное содержание своей речи, что вызывает одновременно появление речедвижений языковых форм, а с другой — воспринимает и обрабатывает речевой поток, идущий от другого человека, на основе воспринимаемых звуковых колебаний или графических значков, соответствующих речедвижениям, что вызывает одновременно индуцирование в его психике тождественных/нетождественных содержательных образов.

Таким образом, **речемышление** — это психический процесс порождения и восприятия содержания мышления, который состоит:

— *в продуцирующем режиме речемышления*, в возникающих в процессе мыслительной активности целевой субъективной серии образов национальной ментальности (чувствований), которые одновременно автоматически вербализуются национальным языком (речевыми движениями). Вербализация, как можно понять, происходит в навыковом режиме;

— *в воспринимающем режиме речемышления* в рецепции языковых форм (речевых движений) линейно поступающего звукоряда/ряда графических знаков национального языка, которые одновременно автоматически возбуждают в психике серию субъективных тождественных/нетождественных образов национальной ментальности (чувствований). В навыковом режиме здесь происходит возбуждение серии образов, и это длится до тех пор, пока содержание этих образов не будет противоречить данным опыта человека. В этом случае речемышление вновь «переключается» на продуцирующий режим, поскольку человек инстинктивно ощущает желание выяснить причину этого противоречия.

Еще раз подчеркнем, что этот речемыслительный процесс необходимо представлять как проявление единства образа (чувствования), наделяемого словом (вербальным движением), и единства слова (вербального движения), порождающего образ (чувствование).

* * *

1. Воронин Л. Г. Физиология высшей нервной деятельности: учеб. пособие для биол. спец. ун-тов. М.: Высш. шк., 1979. 312 с.

2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.

3. Гурленов В. М. Роль понятия «психическое состояние» в объяснении процессов овладения иностранным языком // Актуальные проблемы науки XXI века: V международная мультидисциплинарная конференция. 15 декабря 2015 года. М.: Международная исследовательская организация «Cognito», 2015. С. 17—21.

4. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1988. 168 с.

5. Павлов И. П. Избранные произведения / под общей ред. Х. С. Кош-тоянца. М.: Госполитиздат, 1951. 583 с.
6. Сеченов И. М. Избранные произведения. Физиология и психология. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. 772 с.
7. Чуприкова Н. И. Психика и сознание как функция мозга. М.: Наука, 1985. 200 с.
8. https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=41 (по состоянию на 15.04.2017).
9. http://www.rubricon.com/about_fes_1.asp (по состоянию на 15.04.2017).
10. <http://terme.ru/slovari/filosofija-enciklopedicheskii-slovar.html> (по состоянию на 15.04.2017).

УДК 316.614

Е. В. Максимова

**Социокультурная реабилитация, адаптация и интеграция
лиц с ограниченными возможностями здоровья:
теоретико-методологический аспект**

В статье социокультурная реабилитация рассматривается как социальные усилия человека и общества, реализуемые в комплексе организационно-распорядительных мер, социальных действий, личностных потенций, направленных на восстановление разрушенных, утраченных человеком или объективно ограниченных трудностями возможностей по включению его в систему сложившихся общественных связей и отношений, изменение социального статуса и связанного с ним набора ролей, а также устранение условий, порождающих его социальную недостаточность в силу ограничений и затруднений жизнедеятельности. Целью социальной реабилитации является восстановление оснований бытия, индивидуальной и социальной субъектности и разумной достаточности в потребностях человека соответствовать требованиям социальной жизни по преодолению его жизненных затруднений, социальной недостаточности, восстановление его целостного Я, социального достоинства, социальной самодостаточности и безопасности на индивидуально-личностном, социально-групповом и социетальном уровнях.

Ключевые слова: *социокультурная реабилитация; адаптация; интеграция; нормализация; реабилитационный потенциал; принципы социальной реабилитации.*

E. V. Maksimova. Socio-cultural rehabilitation, adaptation and integration of persons with disabilities: theoretical and methodological aspect

This article examines how social and cultural rehabilitation efforts of man and society, sold the complex organizational and administrative measures, social action, personal potential, aimed at restoring the destroyed, lost or objectively limited difficulties, opportunities to integrate it into the system of established social connections and relationships, changing social status and associat-

ed with it, the set of roles, as well as the Elimination of conditions that give rise to social failure by virtue of the limitations and difficulties of life. The goal of social rehabilitation is to restore the grounds of being, individual and social subjectivity and reasonable sufficiency in human needs meet the requirements of social life, to overcome the difficulties of his life, social failure.

Keywords: *socio-cultural, capacity; principles of social rehabilitation.*

Отношение к людям с особыми потребностями является мерилom человечности и толерантности любой социальной системы. С принятием Международного билля о правах человека инвалиды впервые оказались в ряду тех, кто получил в демократических странах наравне со всеми права — общества постепенно осознали, что нельзя говорить о всеобъемлющей демократии, если существует социальная изоляция лиц с инвалидностью. Изолированность лиц с инвалидностью приводит к тому, что среди физически здоровых людей они чувствуют себя некомфортно и не могут полноценно адаптироваться в обществе и реализовать себя. С другой стороны, общество тоже не готово общаться на равных с людьми с функциональными ограничениями здоровья. И здесь путь решения проблемы видится не в подтягивании инвалида до уровня здорового человека, а в создании специфических условий общественной жизни, где умственные или физические ограничения не будут формировать зависимости инвалида от здоровых людей или по крайней мере эта зависимость будет минимизирована.

В связи с этим логика нашего исследования требует первоочередного выяснения сущности и особенностей основных понятий, касающихся социальной защиты людей с ограниченными возможностями, а именно реабилитации, адаптации и интеграции. Несмотря на большую популярность и распространенность этих понятий, существуют определенные трудности по их пониманию и определению.

При рассмотрении проблем реабилитации поведения человека следует учитывать наличие двух точек зрения. Первая утверждает, что человек сначала должен пересмотреть свои взгляды, а потом уже менять поведение. Вторая, на основе отзывов клиентов, ученых и практиков, предполагает возможность изменения поведения, что повлечет изменение взглядов реабилитируемых. Систематическая работа над изменением своего поведения основывается на практи-

ческом освоении новых поведенческих навыков, овладеть которыми человек сможет кропотливыми тренировками постепенно, шаг за шагом [1, с. 67).

Как и любой вид деятельности, реабилитационная деятельность требует выполнения определенных операций, совокупность которых образует технологию разработки и внедрения как общественных, так и индивидуальных программ реабилитации. Несоблюдение этой технологии, пропуск или некачественное выполнение требуемых операций — причины неэффективной и низкой отдачи от принимаемых усилий.

Реабилитационная деятельность является весьма сложной и реализуется в несколько стадий, каждая из которых имеет свое специфическое содержание, результаты и выполняет особые функции в реабилитационном процессе.

Цель реабилитационной деятельности заключается в решении какой-либо социальной проблемы по восстановлению полноценной жизнедеятельности человека на всех уровнях его бытия.

Цель задается субъекту реабилитационной ситуацией, сложившейся из состояния объекта реабилитации и состояния социально-реабилитационной службы (наличие возможности полноценного изучения клиента, научно-методической, материально-технологической базы, обеспеченность высококвалифицированными кадрами и т. д.). Это зависит не только от локальных условий, но и от глобальных критериев оценки деятельности реабилитационных служб, общего состояния материально-финансового обеспечения, уровня самостоятельности служб в принятии реабилитационных решений.

Содержание реабилитационной деятельности составляет предметный состав тех действий, которые совершает ее субъект. Речь идет о подготовке к планированию, планирование процесса реабилитации, его организация, работа с кадрами, социальным окружением, формирование средств осуществления реабилитации. Важнейшими характеристиками содержания реабилитационной деятельности является ее разнообразие, сложность и величина трудностей, сопряженных с ее реализацией.

К наиболее значимым понятиям, отражающим реабилитационный процесс, относятся адаптация, нормализация и реабилитационный потенциал.

Термин «адаптация» вошел в язык науки в 30-е годы нашего столетия и обозначал частный случай гомеостаза — обобщенной категории, характеризующей равновесное состояние динамично организованных систем. Пионерами в его разработке были биологи, и, как следствие, он понимался как приспособляемость организма к условиям внешней среды. Долгое время такой точки зрения на адаптацию придерживались и общественные науки, рассматривая ее исключительно как приспособление органов и систем организма к социальной среде. В последние годы адаптация стала пониматься ближе к социальному статусу человека — как готовность к выполнению различных социальных ролей, устойчивость социальных связей, как внутреннее состояние личности с неосознанным формированием навыков и обычаев общественного существования. Отметим, что спецификой отечественных исследований социальной адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья является доминирование изучения объективных индикаторов и показателей при достаточно редком использовании показателей, имеющих отношение к субъективному миру личности этих людей [18].

Термин «нормализация» отражает политику общества и государства по отношению к людям в области обслуживания, образования, трудовой деятельности, жилищных условий, образа жизни. Нормализация является ключевой концепцией в области инвалидности. Сущность ее заключается в том, чтобы объяснить клиенту способ жизни, приближенный к нормальному.

При составлении программы адаптации и интеграции людей с ограниченными возможностями в общество важно знать их реабилитационный потенциал.

Под реабилитационным потенциалом понимается совокупность резервных возможностей человека, позволяющих ему в наиболее полном объеме восстанавливать утраченные функции и дефекты развития. Реабилитационный потенциал складывается из реабилитационных возможностей организма, личности и микросоциума, т. е. той социальной системы, в которую непосредственно включен больной человек [12, с. 51]. Реабилитационный потенциал имеет тесные взаимозависимости с социокультурными, социально-экологическими, медицинскими, семейно-педагогическими, социально-бытовыми, социально-экономическими, правовыми и другими факторами.

Необходимо разграничить понятия «реабилитация», «социальная реабилитация», «социокультурная реабилитация» с учетом того, что в литературе имеется два толкования понятия «социальное»: широкое и узкое. И. В. Бестужев-Лада считает, что в широком понимании «социальное» отождествляется с «общественным» и в этом своем качестве противопоставляется «природному» или «техническому», когда речь идет о процессах и явлениях, изучаемых общественными науками, и предметах естествознания и технических наук. В узком смысле «социальное» тождественно «социологическому», связанному с социальными отношениями, т. е. с отношениями людей как членов определенных социальных групп или социальных институтов. Но такой подход не менее абстрактен, как и при расширительном толковании, поскольку в реальной жизни «социальное» обычно выступает в форме социально-экономического, социально-демографического, социально-медицинского, социально-трудового, социально-культурного и т. д. Социальную реабилитацию также связывают с социальными отношениями в медицине (медико-социальная), быту (социально-бытовая), образовании (социально-педагогическая), труде (социально-трудовая) и т. д. Как предмет социологического исследования «социальное» можно вычленить из такого рода связей, хотя тесно связаны не только отдельные пары, но и все пары [4, с. 91].

Для правильного понимания социальной реабилитации необходимо промежуточное значение «социального», которое не сводило бы его к социологическому, но в то же время отграничивало бы социальную реабилитацию от медицинской, педагогической, спортивной, психологической, трудовой, экономической и т. д. Этого можно добиться, когда из соответствующих научных дисциплин будет выделена собственно социологическая и примыкающая к ней социальная проблематика. Например, из экономических можно вычленить социальные отношения — в сфере социальной организации и социальных стимулов труда. Из медицинских — сферу социальной организации здравоохранения, социальных стимулов труда медперсонала (отношения в системе «врач—пациент», «врач—врач», «пациент—пациент», «врач — пациент — родственники пациента»), характеристики различных групп населения по видам заболеваемости и инвалидности. Из педагогических — сферу социальной организации образования различного уровня, степень их доступности для

различных категорий населения; взаимоотношения в системе «учитель—ученик», «учитель—родитель» и «учитель—учитель», «ученик—ученик», «учитель — родитель — ученик» в учебной и внеучебной деятельности в социуме.

Социальная реабилитация является самостоятельным видом наряду с медицинской, педагогической, психологической, профессионально-бытовой и т. д., что не отрицает возможности ее применения для осуществления динамики и завершенности перечисленных видов реабилитации. Выделение социальной реабилитации в качестве самостоятельного вида показывает ту роль, которую призваны играть социальные работники как представители самостоятельной профессии и социальной теории в восстановлении полноценной социальной жизнедеятельности человека.

В современных условиях социокультурная реабилитация является немаловажным сегментом в комплексной реабилитации инвалидов. Она включает в себя совокупность мероприятий, реализуемых через культурологические механизмы, которые способствуют постоянному развитию и внутреннему росту личности. Люди с ограниченными возможностями здоровья, приобщаясь к культуре, вовлекаются в культурное сообщество и становятся его частью. Основной целью социокультурной реабилитации является развитие умений и навыков «особенных» людей использовать средства культуры и искусства в своей жизнедеятельности. Первостепенная задача социокультурной реабилитации — это расширение творческих способностей инвалидов. В процессе культурно-досуговых мероприятий люди с инвалидностью приобретают опыт коммуникативных навыков, социального взаимодействия через расширение круга общения.

Среди общих принципов реабилитации Л. Г. Гуслякова и Е. И. Холостова выделяют: комплексность, поэтапность и непрерывность при раннем начале реабилитационных мероприятий, характер использования индивидуальных и групповых форм реабилитации, возвращение человека с аномальными затруднениями к активной общественной деятельности [21].

Л. В. Терехова к основным принципам социальной реабилитации относит: как можно более раннее начало осуществления реабилитационных мероприятий, непрерывность и поэтапность их проведения; системный и комплексный характер осуществляемых про-

грамм; индивидуальный подход к определению объема, характера и направленности мероприятий [19, с. 283]. На наш взгляд, выделение основных принципов социальной реабилитации должно соотноситься с теоретическими моделями и концепциями, лежащими в ее основе. Теоретические модели социальной реабилитации должны удовлетворять трем главным принципам:

- изучению индивида в социокультурной среде;
- пониманию психосоциального становления личности как жизненного процесса;
- учету социокультурных факторов формирования индивида.

Теории, используемые в социокультурной реабилитации, должны способствовать анализу как сугубо личностных проблем реабилитации, так и функциональных, т. е. адаптивных трудностей семьи, группы, общности и т. п. Разные концептуальные модели реабилитации в разной степени удовлетворяют каждому из названных принципов. Так, теории психосоциального развития, которые придерживаются в целом идеи комплексного изучения индивида и его среды, как правило, акцентируют внимание на личностной специфике процессов реабилитации и социального функционирования человека. Эти теории обычно используются при реализации индивидуальных программ реабилитации. Для тех же, кто склонен реабилитировать, «лечить скорее общество, чем индивида», в большей мере подойдут теории групп, общая теория систем, экологическая перспектива и т. п.

Вся масса разнообразных, несхожих между собой теорий, приемов, методов и техник психосоциальной реабилитации должна опираться на принципы (общий знаменатель):

- обеспечение обоюдывыгодного взаимодействия между индивидом и обществом: не только психосоциокультурная реабилитация человека, но и восстановление адаптивных способностей личности (группы, семьи, общности) наряду с совершенствованием их бытия;
- дифференциация, индивидуализация и тщательная идентификация проблем, людей и ситуаций, а также их взаимных отношений;
- направленность социальных институтов на более чуткое отношение к нуждам и интересам людей, с одной стороны, и подлинное личностное «озарение» индивида — с другой.

Во втором теоретическом принципе социокультурной реабилитации — изучение личности в контексте ее жизненного пути — предполагается осмысление сложного комплекса психосоциальных событий индивидуальной жизни на основе:

— многоаспектности анализа (экономических, физиологических, генетических, психологических, культурных и прочих факторов, влияющих на формирование индивида);

— контекстуальности, т. е. включенности всех фаз индивидуального жизненного цикла в рамки того или иного социального окружения во всем богатстве его параметров, начиная с межличностных и кончая макроструктурными.

Изучение личности в рамках ее жизненного цикла включает:

а) анализ индивидуальных биологических функций и физиологического созревания (биологический и социальный возраст, состояние здоровья, биологические ритмы, скорость реакций); б) выявление специфики социокультурного развития (влияние разноуровневых социальных факторов, социальных ролей, статуса, ожиданий, культурных и субкультурных ценностей, норм); в) осмысление психологических характеристик (восприятие, память, способность к решению проблем, характер самооценки, уровень зависимости, адекватность реакций); г) исследование особенностей психосоциальной адаптации, понимаемой как трансакция, или процесс взаимного влияния индивида и его окружения.

Третий принцип социокультурной реабилитации — учет культурно-исторического разнообразия социальной среды — предполагает не только изучение национальных, этнических, гендерных (половых), религиозных и прочих переменных, формирующих социально-психологический и нравственный облик человека, но и высокий уровень субъективной толерантности социального реабилитатора.

Для более полного понимания возможностей социокультурной реабилитации необходимо выделить несколько форм социокультурной жизнедеятельности. На рисунке 1 отражены проблемные моменты (первая колонка) и способы их решения (вторая колонка).

При групповой психосоциальной реабилитации основное внимание должно уделяться не столько личности в контексте ее окружения, сколько фактору «членства» индивида в том или ином социальном объединении. Главным в этом направлении работы с группой

Жизнеобеспечение – включенность людей в процесс хозяйственной жизни, система общественного разделения труда, домашнее хозяйство, финансовые отношения.

- Профессиональное обучение, профессиональная адаптация, обеспечение занятости инвалидов на производстве, помощь в домашнем хозяйстве.

Социализация – освоение знаний, навыков, стереотипов поведения, ценностных ориентаций, нормативов, обеспечивающих полноценное участие инвалидов в формах социального взаимодействия.

- Изучение дефектов и разработка средств их компенсации. Модернизация подготовки специалистов в области адаптивного консультирования и социального участия, консультативные службы и аниматорство. Государственные средства массовой информации.

Рекреация – процесс и восстановление жизненных сил и здоровья инвалидов, которые утрачиваются в процессе труда и повседневных функций. Тесно связана с представлениями о свободном времени и досуговых формах свободного времени.

- Организация досуга инвалидов: техническая, художественная, ремесленная, самодельность: организация выставок, конкурсов, фестивалей, вечеров отдыха, спортивных соревнований. Создание среды безбарьерного туризма.

Коммуникации – ключевой аспект полноценной социокультурной жизни, социального взаимодействия, информационных обменов между людьми.

- Организация свободного передвижения в пространстве. Организация доступа к публичным местам и рекреационным объектам.

Рис. 1. Формы социокультурной жизнедеятельности

являются межличностные отношения, поведенческие нормы, аттитюды, связь поколений. Это позволит удовлетворить (или скорректировать) такие важные потребности личности, как ощущение принадлежности, участие, приобщение к совокупному опыту и др.

В свете сказанного социокультурную реабилитацию можно рассматривать как социальные усилия человека и общества, реализуемые в комплексе организационно-распорядительных мер, социальных действий, личностных потенций, направленных на восстановление разрушенных, утраченных человеком или объективно ограниченных трудностями возможностей по включению его в систему сложившихся общественных связей и отношений, изменение социального статуса и связанного с ним набора ролей, а также устранение условий, порождающих его социальную недостаточность в силу ограничений и затруднений жизнедеятельности.

На примере рекреации рассмотрим отдых вне постоянного места жительства (участие в организованном или неорганизованном туристском походе или отдых в санаториях, пансионатах и т. п.). В целях осуществления рекреационной деятельности необходимы определенные ресурсы, в том числе природные и культурные. Кроме того, рекреационные ресурсы подразделяются по видам. Например, ресурсы туризма, ресурсы спорта, лечебные ресурсы и т. п. К функциям ресурсов можно отнести: курортные, оздоровительные, экскурсионно-туристские (культурно-познавательные), физкультурные. Антропогенная составляющая рекреационных туристских ресурсов стран, городов и населенных пунктов с различными архитектурными, этническими и природными особенностями включает в себя культурно-исторические памятники и другие достопримечательности.

Целью социокультурной реабилитации людей с инвалидностью является восстановление оснований бытия, индивидуальной и социальной субъектности и разумной достаточности в потребностях человека соответствовать требованиям социальной жизни по преодолению его жизненных затруднений, социальной недостаточности, восстановление его целостного Я, социального достоинства, социальной самодостаточности и безопасности на индивидуально-личностном, социально-групповом и социетальном уровнях.

Одной из приоритетных задач социальной реабилитации является интеграция человека в социум, что обеспечивает создание своеобразной системы. Греческое слово «система», означающее целое, составленное из частей, и латинское слово «интеграция», означающее объединение в единое целое, связаны глубоким смысловым единством.

Прежде чем определить узловые моменты включения человека, переживающего свои ограниченные возможности в социум, вернее восстановление его в социуме, необходимо определить предметные области или направления их взаимодействия. Мы считаем достаточным при этом сослаться на выделенные В. В. Шароновым три основные области взаимодействия человека и социума, представленные противоречивым единством. Первое направление охватывает всю проблематику обусловленности внутреннего субъективного мира человека объективными формами его социального бытия, от самых

общих формально-эпохальных до конкретно-индивидуальных условий и факторов онтогенеза. Эти объективные формы являются результатом предметно-практической деятельности предшествующих поколений, а также продуктами творческой жизни и созидательной деятельности других людей — современников данного индивида [22, с. 49].

Это социокультурная основа реабилитации человека. Сюда следует отнести накопленный практический опыт (технологический, технический и духовный) реабилитации людей с ограниченными возможностями, зафиксированный в народной педагогике, культуре и ментальности народа, с одной стороны, а с другой — сложившиеся управленческо-распорядительные цели государства, социальных институтов и т. д., реализуемые в современной практике реабилитации. В этой области акцент делается на влияние общества на человека, его жизненный путь, степень развития его социально значимых качеств (физических, нравственных, психических, творческих, интеллектуальных) и на возможности преодоления имеющихся ограничений и затруднений в процессе реабилитации. Здесь возможности реабилитации зависят от статуса, состояния здоровья (физического, психического, духовного и т. д.), реабилитационного и компенсаторного потенциала, выносливости, терпимости, способности, пластичности и т. п.

Социокультурная реабилитация — это восстановление таких социальных качеств, которые позволили бы личности через взаимодействие системы способностей, потребностей, деятельности и сознания преодолевать когнитивные, эмоционально-аффективные, ценностные затруднения и формировать адекватные обществу поведенческие реакции и жизненные стратегии, восстанавливать знания, наличное мировоззрение и убеждения, понимать смыслы жизни и значения трудностей.

В системе способностей требуется восстановление общих социальных и индивидуальных способностей по преодолению затруднений.

В системе потребностей — восстановление личных, коллективных и общественных потребностей в нейтрализации трудностей.

В системе деятельности и поведения важным является восстановление основных и подчиненных видов деятельности и поведе-

ния личности, обеспечивающих эффективность преодоления трудностей жизни.

Социокультурная реабилитация обеспечивает восстановление естественного для человека стремления построения своих целей и мотивов в области возможного и позволяет избегать принципиально невозможного. Она приводит к соответствию жизненные затруднения с притязаниями, возможностями, способностями человека.

Реабилитация возможностей индивида преодолевать трудности жизни осуществляется за счет устранения ограничений средствами абилитации, т. е. усиления личностных возможностей за счет научения, учения, обучения, воспитания, социального взаимодействия, социализации, погружения в культуру социума с целью приобщения к культурным ценностям, культурной практике, что в совокупности позволит обеспечить индивиду полноту, качество жизни и социальную активность в ее основных видах: деятельности, поведении и общении.

Реабилитация — это устранение трудностей в жизни человека, обеспечение простоты и легкости его жизни за счет сокращения (насколько это возможно) ограничений жизненных возможностей.

Ограничение возможностей — это искусственное или естественное состояние жизнедеятельности, встречающее на биологическом, социальном уровнях объективные, не зависящие от человека трудности. Устранение ограничений — это устранение трудностей и восстановление простоты жизни в ее естественном течении, полноты и качества жизнедеятельности, соответствующей достоинству человека, его целостности и гармоничности.

Социокультурная реабилитация часто связывается с ориентацией, адаптацией, устройством. Выделенные подходы позволяют социальную реабилитацию представлять как преодоление затруднений по восстановлению меры включенности индивидуального бытия личности в многообразную систему общественных отношений (материальных, духовных) а также в сферу общения.

Через взаимодействие позиций, диспозиции, активности личности как меры преобразования общественных отношений и самого себя обеспечивается восстановление субъектности личности, что позволяет ей самой максимально творить свое индивидуальное бытие, преодолевать трудные обстоятельства и тем самым изменять себя.

Другой закономерностью включения личности в систему общественных отношений, интеграцию в общество является взаимодействие процессов общения и обособления. Обособление — это своеобразная форма общения. В качестве эталона этого общения является общение человека с самим собой, что обеспечивает своеобразие форм и модификацию общения, через которые личность включается в общество. Общение и обособление приводит к смещению и перемещению личности в системе общественных отношений. Затруднение этих процессов требует соответствующих реабилитационных мероприятий.

Под смещением и перемещением следует понимать те роли, которые играет личность в семье, кругу друзей, на производстве и т. д., как относительно самостоятельный центр отношений между людьми либо рядовой участник этих отношений. Реабилитационной задачей здесь является восстановление способности личности переходить от одного уровня организации, функционирования к другому уровню организации, что указывает не только на социальную целостность и зрелость, но и на психологическую устойчивость и целостность ее внутреннего мира. В данном случае сопутствующими реабилитации понятиями выступают: социальные качества, позиции, диспозиции, перемещение, смещение, включенность, общение и обособление и т. д.

Такой подход к социальной реабилитации дает возможность понять процесс восстановления способности личности к самодвижению как постоянно становящейся системы в социальном пространстве и времени, проходящей определенные стадии зрелости через различные роли, способы включенности индивидуального бытия в сложный мир общественной жизни.

* * *

1. Алберти Р., Эммонс М. Самоутверждающее поведение. СПб.: Академический проект, 1998. 190 с.

2. Андреева О. С., Павлова С. А. Использование социокультурных технологий в реабилитации инвалидов // Медико-социальные проблемы инвалидности. 2016. № 2. С. 113—119.

3. Бадмаев А. Н., Кохан С. Т. Состояние здоровья: медицинские, социальные и психологические аспекты // VII Международная научно-практи-

ческая интернет-конференция: сборник статей / отв. ред. С. Т. Кохан. Чита: Забайкальский государственный университет. 2016. С. 525—533.

4. Бестужев-Лада И. В. Социальный прогноз и социальное нововведение // Социологические исследования. № 8. 1990. С. 86—92.

5. Булгаков В. В. Теоретические и методологические аспекты социокультурной интеграции инвалидов в музейной среде // Вестник Кемеровского гос. ун-та культуры и искусства. 2015. № 1(30). С. 96—105.

6. Веденева Н. В. Философско-исторические и социокультурные аспекты «инвалидности» и «реабилитации» // Омский научный вестник. 2010. № 6(92). С. 91—94.

7. Гордеева А., Пчелина О. В. Адаптивный туризм как способ социокультурной реабилитации пожилых людей с ограниченными возможностями здоровья // Россия в пространстве глобальных трансформаций: в фокусе наук о человеке, обществе, природе и технике: матер. междунар. междисциплин. науч. конф / сост., отв. и науч. ред. В. П. Шалаев. 2016. С. 215—216.

8. Грибкова Г. И., Ковалев К. В. Культурно-познавательный туризм как средство социализации инвалидов // Наука в современном мире: теория и практика. 2015. № 1(3). С. 22—28.

9. Гудина Т. В. Реабилитационные возможности современной культурно-образовательной среды // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 6—4(37). С. 14—16.

10. Дементьев Н. Ф., Андреева Т. В. Социокультурная реабилитация инвалидов в системе интеграции их в общество // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2009. № 1. С. 28—29.

11. Демина Э. Н. Основные принципы и содержание мероприятий при разработке социального компонента индивидуальной программы реабилитации и абилитации // Профилактическая и клиническая медицина. 2016. № 2 (59). С. 44—48.

12. Кулагина И. Ю., Сенкевич Л. В. Реабилитационный потенциал личности при различных хронических заболеваниях // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 50—60.

13. Лыкова Т. Р. Значение культурно-познавательного туризма в формировании патриотизма // Человек в постиндустриальном обществе: матер. I Междунар. науч.-практ. конф. Варна: Парадигма (Болгария) и АНО «Пресс-Лицей» (Россия), 2013. С. 158—164.

14. Максимова Т. Е. Виртуальные музеи как средство социализации людей с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Санкт-

Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4(25). С. 123—128.

15. Никифорова Т. Ю., Данковцев О. А. Обзор социокультурных технологий в системе реабилитации инвалидов // Современные тенденции развития физической культуры, спорта и адаптивной физической культуры: матер. междунар. науч.-практ. конф. / Липецкий гос. пед. ун-т П. П. Семенова-Тян-Шанского; Институт физической культуры и спорта. Липецк. 2016. С. 93—99.

16. Низова Л. М., Данилова М. И. Социальная реабилитация и интеграция детей-инвалидов в общество // Народонаследие. 2016. № 4(74). С. 77—84.

17. Сабанов З. М. Организационные основы реабилитации инвалидов в Российской Федерации // Общество и право. 2016. № 3(57). С. 217—221.

18. Семин М. И. Социально-психологическая адаптация инвалидов в современной России: монография. М.: РосЗИТЛП, 2010. 92 с.

19. Терехова Л. В. Социокультурная реабилитация // Российская энциклопедия социальной работы. М.: Социально-технологический институт, 1997. 134 с.

20. Фехтел Е. В. Туризм как фактор социализации инвалидов // Научная социологическая школа РГСУ: 25 лет. Социология. Социальность. Современность: матер. XXI социологических чтений РГСУ / Гл. ред. Д. К. Танатова. М., 2016. С. 107—112.

21. Холостова Е. И. Гуслякова Л. Г. Основы теории социальной работы. М.: Социально-технологический институт, 1997. 189 с.

22. Шаронов В. В. Основы социальной антропологии. СПб.: Лань, 1997. 192 с.

23. Шумакова О. А. Социокультурная реабилитация семьи, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья (опыт взаимодействия семьи и школы) // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2016. Т. 4. № 2(13). С. 51—59.

24. Irina Gennadievna C., Ekaterina Shamilevna T., Stanislav Germanovich K. The training of tourism specialists for working with people, having physical disabilities // World Applied Sciences Journal. 2014. Т. 30. № 30. С. 28—29.

25. Mironenko N. S., El'darov E. M. Development tendencies and future prospects of recreation geography in Russia // Geography and Natural Resources. 2016. Т. 37. № 2. С. 100—105.

УДК 81

В. А. Мальцева

**Развитие навыков письменной речи
как одно из условий формирования профессиональной
компетенции на русском языке как иностранном**

Статья посвящена актуальным вопросам обучения русскому языку как иностранному, ведущегося на базе русскоязычного вуза в свете формирования профессиональной компетенции. Организация в процессе обучения диалога культур, учет родной языковой картины мира будущих специалистов, использование проектной технологии способствует более эффективному изучению русского языка, формированию коммуникативной компетенции студентов.

Ключевые слова: диалог культур, профессиональная компетенция, национальная языковая картина мира.

V. A. Maltseva The Development of Writing Speech Skills as One of the Conditions for Forming Professional Competence in the Russian Language as Foreign One

The article is devoted to topical issues of teaching Russian as a foreign language in the light of formation of professional competence which is conducted in the Russian-speaking University. In the process of learning using of the dialogue of cultures, the native language picture of the world of the future specialists and the use of project technology promote more effective learning of the Russian language, formation of communicative competence of students.

Keywords: the dialogue of cultures, professional competence, native language worldview.

Формирование профессиональной компетенции будущих специалистов в области экономики и менеджмента сервиса, одновременно изучающих русский язык как иностранный (РКИ), неразрывно связано с развитием их коммуникативной компетенции. На развитие речевых умений и навыков, обеспечивающих успешную ком-

муникацию между людьми, в неменьшей степени, чем устная речь, способна влиять письменная речь, посредством которой человек выражает свои мысли в графической форме. Между тем доминирующий в настоящее время субъектно-деятельностный подход в обучении русскому языку как иностранному отдает предпочтение устным формам общения, отодвигая умение письменно выражать свои мысли на второй план. Тем не менее известная общность механизмов порождения высказывания, как устного, так и письменного, обращает наше внимание на то, что данный ресурс в обучении РКИ остается недооцененным.

Важное качество профессионала в своей области состоит в умении доносить свои мысли до адресата, а значит, в умении оказывать речевое воздействие на собеседника и получать «обратную связь», то есть эффективно взаимодействовать со всеми участниками коммуникации. Научиться этому — непростая задача даже для носителей русского языка, тем более для студентов, изучающих русский язык как иностранный. В общении как взаимодействии индивидов разноязычные коммуниканты являются субъектами культуры, представителями определенной лингвосоциокультурной общности. Иноязычный студент, не освоивший русский язык на уровне его носителя (а мы как раз говорим об уровне В1-В2), осуществляя коммуникацию на русском языке, вынужден в процессе нее выполнять другие речемыслительные операции, реализуя мысленный прямой и обратный перевод русских слов на родной язык. В процессе перевода взаимодействуют не только языки, но и культуры, имеющие как общую, так и национальную специфику. Конкретные внешние условия существования отдельного этноса (географические, физиолого-антропологические особенности, культурно-бытовые традиции и др.) формируют специфические качества и совокупности представлений, определяющие основу национальной концептуальной и языковой картины мира.

Языки отражают действительность каждый по-своему, асимметрично. Люди различных культур по-своему выражают радость и отчаяние, любовь и ненависть, для них по-разному течет время, по-разному мир звучит и окрашивается в цвета. В своих логических основах мышление представителей разных социумов одинаково, однако в плане эмоционально-образного отображения действи-

тельности, на уровне нелогических оценок и переживаний сознание представителей разных этносов не предполагает какого-либо единства.

«Моя семья для меня все. Все, чего я достигла в жизни — это благодаря ей. Семья для меня большая опора, где всегда могу найти поддержку. Я люблю свою семью и ценю каждое мгновение, проведенное вблизи с ней. Но никто не может отрицать то, что основой счастливой и крепкой семьи являются традиции и обычаи народа, которые прививают нам любовь и культуру. Так же, как и у всех народов мира, у нас есть свои традиции и обычаи, придерживаясь которых мы сохраняем наши культурные и духовные ценности», — пишет Калнура Усубалиева. Мы приводим отрывки из работ, выполненных на русском языке, иноязычных студентов среднеазиатского происхождения, когда им предложили написать о главном для своего народа.

Сходные мысли выражает Жумабек уулу Жаныш:

«У меня большая семья. Как говорят, семья — маленькое государство. Семья формирует государство. Именно в семье дается основное воспитание, и там есть свой национальный дух. Рос и воспитывался я в рамках нашей культуры и традиций. Это не значит отставание в развитии, наоборот уважение предков своего народа. Обязательное уважение в семье старших и почтительное отношение к младшим — это укрепляет гармонию в семье. В семье родители воспитывают своих сыновей с детства народными сказками, эпосами, загадками (табышмак), пословицами. Все эти компоненты развивают человека комплексно: духовно и в интеллектуальном потенциале как личность. У нашего народа все культурные ценности передаются от поколения к поколению».

Похожая картина мира, берущая свое начало в семье, предстает в размышлениях Айдай Жаамбаевой:

«Моя семья — моё богатство. Семья — это самое главное, что есть в жизни каждого человека. Как много заключено в этом маленьком слове! Но это только на вид оно маленькое. На самом деле, число семь особенное: оно неделимое. Это замечательное число похоже на одну большую, дружную семью: «семь» и «я», то есть семеро таких же, как я. Именно в семье начинается наша жизненная дорога. И то, каким ты станешь, какую пользу принесёшь обществу, будет зависеть от воспитания, полученного в стенах родного дома. Да, именно там нахо-

дим мы опору и понимание; именно там исполняются мечты и желания. А ещё семья — это и традиции, передающиеся из поколения в поколение: от прабабушек и прадедушек, от бабушек и дедушек, от мам и пап, от нас — к будущим жителям одной большой семьи».

«Мудрость гласит: «Всему свое время. Всему свой срок!» Каждая семья имеет свои традиции, которые они взяли от своих старших поколений. Благодаря семейным традициям воспитывается уважение к старшим членам семьи, тем самым укрепляется дружба в семье. В такой семье, где все вместе проводят свободное время, заботятся и беспокоятся друг о друге, всем становится радостнее, а жизнь от этого бывает намного счастливее, чем в тех, где не чтят никаких традиций», — выражает свою точку зрения Замирбек Жолдошбеков, формулируя ведущие особенности своей культуры.

Таким образом, для студентов азиатского происхождения, для которых русский язык является иностранным, во главе угла в их языковой картине мира находится большая семья, почтительное отношение к родственникам, сбережение традиций предков, прямая жизненная дорога, идущая по равнине, без взлетов и падений. Иное дело — русская языковая картина мира, которая ни в коей мере не противопоставляется азиатской картине мира, не является хуже или лучше ее. Она — другая. Как пишет А. Д. Шмелев, «в основе целого ряда семантических противопоставлений лежит оппозиция «горного» и «дольного», причем излишнее внимание к «дольному», к быту, к мелочам жизни никак не одобряется» [1]. Иными словами, предложи русскоязычным студентам написать о главном для своего народа, и в большинстве случаев они выберут «высокую тему», например начнут рассказ с истории, героического прошлого родной страны, никак не с семьи, поскольку она относится к частному, личному.

Ведение подобного диалога культур может эффективно использоваться при обучении русскому языку как иностранному. Известный отечественный методист профессор Е. И. Пассов предлагает даже считать главной образовательной ценностью изучения иностранного языка включение учащегося в диалог культур, а цель обучения иностранному языку — обучение диалогу культур [2, с. 82]. Поскольку процесс диалога культур представляет собой процесс возникновения текстов-реакций одной культуры на тексты-стимулы другой культуры [2, с. 87], важно, чтобы иноязычные студенты активно рефлексив-

ровали на темы, связанные с их родиной, родным языком, чтобы сами на опыте проживания и обучения в России пришли к осмыслению русской языковой картины мира. Как следствие, они создают прецедентные письменные тексты на изучаемом русском языке и отходят от языковых клише, автоматического использования русского языка в типовых ситуациях, овладевают практическими навыками общения. Это немаловажно в их дальнейшей профессиональной самореализации, поскольку студенты специализируются в коммуникативно-активной сфере экономики и менеджмента сервиса.

«Представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу, без помощи языка и что язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации, — это всего лишь иллюзия. В действительности «реальный мир» в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы», — утверждал Э. Сепир [3, с. 261]. Употребляя сочетание «реальный мир», Э. Сепир имеет в виду «промежуточный мир», включающий язык со всеми его связями с мышлением, психикой, культурой, социальными и профессиональными феноменами. Именно поэтому Э. Сепир утверждает, что «современному лингвисту становится трудно ограничиваться лишь своим традиционным предметом... он не может не разделять взаимных интересов, которые связывают лингвистику с антропологией и историей культуры, с социологией, психологией, философией и — в более отдаленной перспективе — с физиологией и физикой» [3, с. 260—261].

А. Н. Леонтьев считал, что субъективная реальность образа мира зависит от условий жизни личности, что она детерминирована социально. В то же время образ мира выступает как определяющий и формирующий эти условия через поведение и ожидания человека. Человек строит образ мира, «активно вычерпывая его из объективной реальности» [4, с. 253]. Именно на основе образа мира осуществляется постоянное прогнозирование предметного значения ситуаций, событий, а также их эмоционального, личностного смысла.

К примеру, языковая картина мира, сформировавшаяся на родине у наших студентов азиатского происхождения, диктует им следующее представление своего будущего, далекого от революционных перемен.

Калнур Усубалиева: *«Каждый народ должен приложить все усилия для того, чтобы сохранить обычаи и культуру, несмотря на то, что мы живем в 21 веке. Культурные и духовные ценности, традиции — это то, что должно сохраниться в каждом сердце, семье и государстве!»*

Жумабек уулу Жаныш: *«Наши предки жили в гармонии с природой, сохраняя чистую окружающую среду. Если они так жили, то почему мы стали забывать их традиции? Я благодарен своим родителям, что они внесли и вносят свою лепту в сохранение традиций. Именно в семье дается основное воспитание. И я считаю, оно во мне уже заложено».*

Айдай Жаамбаева: *«Каждый народ имеет свои исторически сложившиеся традиции и обычаи, разные по уровню и глубине своего идейного содержания в зависимости от исторических судеб народа. К ним люди привыкли, веками почитают их. Поэтому нелегко бывает им отрешиться даже от того, что заведомо устарело, потеряло свое значение для новых условий жизни».*

Замирбек Жолдошбеков: *«В будущем весь опыт я смогу передать своим детям, а взамен получить больше: их доверие, восхищение, откровение, радость, маленькие тайны, секреты и желания. Как часто ловлю себя на мысли, что я самый счастливый человек, потому что у меня есть Семья. Есть мой мир, в котором живут и поддерживаются традиции!»*

Большой интерес для изучения представляет работа над проектом нового туристического маршрута в Республике Коми, выполненная письменно на русском языке той же группой студентов среднеазиатского происхождения. С точки зрения жителей региона, необычным представляется даже выбор места путешествия — это заполярный город Воркута и города-призраки Юршор, Хальмер-Ю. Республика Коми — обширный северный регион России, где представлены самые разнообразные ландшафты, много ценных с исторической и культурной точек зрения мест. Тем не менее студенты предпочли сравнительно «бедный», освоенный только в XX веке и уже приходящий в упадок угледобывающий район, чтобы предложить в нем тур с элементами исторического, спортивного (пешеходного) и экологического туризма.

С другой стороны, если взглянуть на место выбора тура с точки зрения ландшафтов родины студентов — среднеазиатской степи,

выбор похожей на нее бескрайней безлесной тундры представляется оправданным. Таким образом, работа над проектом может принести обоюдную пользу: вернувшись на родину, студенты смогут перенести уже разработанный туристический маршрут на свою почву, оставив нам хорошую бизнес-идею — как привлечь к себе туристов определенной целевой аудитории, как осуществлять стратегическую коммуникационную кампанию с потенциальными заказчиками, какие каналы коммуникации выбрать и как наладить обратную связь.

Подытоживая, отметим, что работа над формированием и развитием навыков письменной речи у студентов, изучающих русский язык как иностранный, ведущаяся в рамках проектов их профессиональной специализации, становится одним из важнейших условий формирования профессиональной и коммуникативной компетенции. Учет особенностей национальной языковой картины мира, диалог культур ведет к их взаимному обогащению и расширению профессиональной компетенции будущих специалистов.

* * *

1. Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира и межкультурная коммуникация // Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты: тезисы пленарного доклада на II Международной конференции РКА, 2004. URL: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/sh/shmelev.shtml

2. Ростова Е. Г., Шамин С. М. Диалог культур и сравнение культур в современном поликультурном обществе и в образовательном процессе // Этнодиалоги: альманах. 2013. №1 (42). С. 82—90.

3. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.

4. Леонтьев А. Н. Образ мира // Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. М.: Педагогика, 1983. С. 251—261.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

В. А. Веремченко, О. И. Зезегова

**Экстремальное в повседневной жизни населения России:
об итогах международной научной конференции
16—18 марта 2017 г. (Санкт-Петербург, г. Пушкин)**

В работе рассматриваются итоги проходившей 16—18 марта 2017 г. в Ленинградском государственном университете им. А. С. Пушкина международной научной конференции, посвященной проблемам экстремальности в повседневной жизни населения России. Рассмотрены основные направления работы конференции. Сделан вывод о важности изучения различных сторон повседневности для создания более полного представления о жизни населения страны в экстремальные периоды истории России.

Ключевые слова: *повседневность, экстремальность, русская революция 1917 года, население России.*

Veremenko V. A., Zezegova O. I. Extreme in everyday life of the population of Russia: outcomes of the international scientific conference on March 16—18, 2017 (Saint-Petersburg, Pushkin)

Articles summarize international scientific conference which was organized in the Pushkin Leningrad State University dedicated to extremes of everyday life of the Russia's population. Reviewed substantive areas of work. The review process concluded importance of exploring different side's everyday life to obtain full understanding about the subject in a different history periods.

Keywords: *everyday life, entrepreneurship, the Russian revolution of 1917, the population of Russia.*

В Ленинградском государственном университете имени А. С. Пушкина традиционно значительное внимание уделяется исследованию проблем истории повседневности. С 2012 г. в университете ежегодно проходят крупные научные форумы, посвященные различным вопросам этого актуального научного направления. В предыдущие годы главными темами конференций становились прежде всего многообразные проблемы, связанные с военными событиями, с повседневной жизнью общества в условиях военных конфликтов [3; 4], с влиянием на повседневность состояния общественного сознания [10], взаимодействием повседневной жизни и уровня развития гражданственности и патриотизма в России [9], с экономической повседневностью и историей предпринимательства [7].

В этом году на шестой конференции темой обсуждения стали проблемы экстремального в повседневной жизни и революции 1917 года в России. В конференции приняли участие более 200 ученых из 47 регионов Российской Федерации и из 5 иностранных государств (Узбекистан, Казахстан, Грузия, Республика Беларусь и Украина).

Проблемам истории русской революции 1917 года, столетие которой отмечается в нынешнем году, так или иначе было посвящено более 40 докладов. В исторической науке при изучении Великой российской революции 1917 года и других бифуркационных событий повседневные аспекты жизни населения страны зачастую остаются в тени макроисторических социальных, экономических и политических процессов. Этот «перекос» и стремились преодолеть организаторы и участники конференции. Особое внимание было обращено к повседневным практикам россиян в экстремальных условиях жизни, в том числе в период революций, и способам их адаптации, преодоления трудностей.

Одной из центральных актуальных проблем, широко обсуждаемых на конференции, стала предыстория, история революционного процесса 1917 года и последующей гражданской войны.

С 1860-х гг. кризисные явления, проявляющиеся в пореформенной России в нарастании открытых массовых выступлений, революционного движения и обострении криминальной обста-

новки, нашли отражение в докладе А. В. Беседовской. В исследовании Н. Л. Пушкаревой анализируются сексуальные отношения радикалов-«шестидесятников». Особенности сексуальной культуры в этой среде обернулись воинствующим неприятием эмоциональных, бытовых, психофизиологических реалий нормальной жизни, превратили ее представителей в морализаторов и ханжей.

Деятельность государственных органов, направленная на усиление полицейского контроля и введение чрезвычайных мер в связи с радикализацией российского общества, стала предметом изучения Е. Н. Козинниковой, Н. Ю. Егорова, А. К. Лаптева. В исследовании Н. С. Нижник делается акцент на месте городских в сохранении общественного порядка. Отмечается, что данная профессия в условиях нарастания экстремизма становилась опасной для жизни.

Первая мировая война, по общему мнению современных историков, стала катализатором событий 1917 года в России. Различным аспектам изучения Первой мировой войны посвятили свои исследования Н. И. Горская, А. С. Борзых, М. И. Старовойтов.

Описанию хронологии событий со 2 марта по 25 октября 1917 г. посвящено было выступление грузинских исследователей И. Шиукашвили, М. Гогитидзе, Г. Бежиташвили. Большой интерес вызвал пленарный доклад А. И. Репинецкого о быте жителей Самары в 1917—1918 гг., живших в условиях постоянной смены власти, недоедания, политического террора.

Повседневная жизнь петроградцев в «лихие» годы освещена в исследованиях Е. В. Прохоровой, И. Б. Гуськовой, И. В. Осиповой, Н. И. Ивановой, О. А. Семёновой, А. Ю. Емельянова. К анализу различных способов адаптации населения в период Гражданской войны обратились в своих выступлениях А. В. Долгова, А. А. Конкин, Н. Н. Кабытова. В докладах Е. В. Никуленковой, Д. В. Валуева в центре внимания оказались лидеры революции и региональные руководители, многие из которых впоследствии стали жертвами репрессий.

К проблемам историографического осмысления событий 1917 года в России обратились исследователи И. А. Тропов, А. Н. Егоров, М. В. Кротова.

Не остались без внимания экономические аспекты войн, революций, экстремальной повседневности. В своем исследовании С. В. Любичанковский обратил внимание на бедность не менее 1/3

чиновников губернской администрации Уральского региона, что, по мнению автора, стало важным фактором краха империи в 1917 году. Р. М. Нуреев сделал акцент на огосударствлении российской экономики в ходе Первой мировой войны, что стало впоследствии основой строительства экономики в Советской России.

Значительное место в работе конференции занимал анализ материального положения различных социальных слоев России. Так, К. А. Абдрахманов проанализировал повседневную жизнь купцов Оренбуржья во время вооруженных конфликтов второй половины XIX — начала XX вв. Материальное положение рабочих в разные исторические периоды было представлено в докладах Ю. Г. Ещенко, А. В. Федькина, В. В. Волкова, О. В. Северцевой, С. И. Подольского. Повседневная и экстремальная жизнь крестьянства в этот период нашла отражение в выступлениях Д. С. Трофимова, А. Г. Галлямовой, З. З. Мухиной. Политике большевиков в жилищной сфере в годы военного коммунизма посвящены исследования А. В. Колесникова и Е. И. Медеубаева.

Одной из проблем, обсуждавшейся на конференции, стали военные конфликты разных эпох — Ливонская война [2], Отечественная война 1812 года [33], русско-японская война [8], советско-финляндская война [5, 6], гражданская война в Таджикистане [1].

Проблемы адаптации населения в период войн и вооруженных конфликтов рассматривались в самых многообразных аспектах. Вопросы источниковедения Великой Отечественной войны привлекли внимание Л. Н. Пивоваровой, А. С. Годовой. Реконструкции особенностей жизни людей в тылу и на оккупированной территории были посвящены работы А. Ш. Кабировой, О. А. Гоманенко, Е. Л. Головиной, Е. Д. Владимировой, Р. Р. Хисамутдиновой, Е. Ю. Волковой, В. В. Коровина, Н. А. Григорьевой, В. С. Ткачёвой, Д. А. Чащегорова. Так, в исследовании Т. К. Щегловой описываются способы варки мыла и ингредиенты, выбор которых был обусловлен природно-географическими условиями юга Западной Сибири и социально-экономическим положением сельского социума.

В исследованиях М. Ю. Государевой, О. И. Зезеговой, Н. В. Сапожниковой на основе эго-документов (писем, мемуаров, дневников) реконструируются различные сюжеты из жизни людей в экстремальной повседневности войн и социальных катаклизмов.

Повседневная жизнь людей в условиях войн и революций была рассмотрена также через призму национальных, конфессиональных, социально-профессиональных аспектов в исследованиях В. Н. Шайдурова, А. П. Кузнецовой, А. В. Образцова, Ю. М. Идрисова, М.-П. Б. Абдусаламова, А. П. Фернандес-Эрес, Т. Ю. Шестовой.

Музейному и библиотечному делу, сохранению экспонатов и книг в условиях войн и революций были посвящены доклады Е. А. Поправко, О. В. Козлова, Н. И. Новиковой.

Анализ роли средств массовой информации в формировании представлений у читателей образа личностей и событий представлен в работах Е. Ю. Семеновой, О. В. Петровой, В. А. Рачковского и М. В. Федорова.

К проблемам и возможностям адаптации в условиях экстремальной действительности, в том числе с помощью девиантного поведения, обратились в своих исследованиях многие участники конференции. Так, В. А. Верemenko проанализировала изменение взглядов на обязанности хозяйки в дворянской среде в пореформенный период. Способы адаптации женщин-революционерок к условиям административной ссылки на материалах Тверской губернии показала в своем исследовании О. В. Ванюшина. Различным вариантам не только адаптации в экстремальных условиях, но и борьбы с этими обстоятельствами посвящено исследование О. Ю. Солодянкиной об иностранных гувернантках. В. В. Мищенко обратился к стратегии выживания русского сектантства в условиях репрессивной конфессиональной политики Российской империи второй половины XIX в. Е. В. Годова проанализировала адаптацию казаков к суровым климатическим условиям как один из аспектов военного быта русского казачества во второй половине XIX — начале XX в. В докладе А. В. Фроловой на основе полевых, архивных и публицистических материалов, собранных автором в деревнях Архангельской области, рассматривается процесс социопсихологической адаптации русских на территории Европейского (Русского) Севера в среде финно-угорских народов. А. В. Тихонова рассмотрела способы преодоления ностальгии швейцарскими иммигрантами в Российской империи. Особенности адаптации немцев в годы Первой мировой войны в Российской империи нашли отражение в работах А. Ю. Голоденко, О. В. Ерохиной, А. А. Машковца.

Одной из форм адаптации населения к неблагоприятным условиям жизни стала спекулятивная торговля и контрабандизм. К этим проблемам в своих исследованиях обратились С. В. Бондарев, И. В. Сахневич, А. М. Егоров. Криминализация — еще одна форма приспособления к экстремальным жизненным ситуациям. О. В. Харсеева отметила тенденцию втягивания подрастающего поколения в преступную деятельность радикальных политических течений.

Ряд докладов был посвящен изучению повседневной жизни учителей и учащихся разных эпох. В исследовании А. Н. Петровой описана жизнь учащихся Императорского Александровского (Царскосельского) лицея в годы Первой мировой войны и революционных событий 1917 года. О направлениях деятельности учителей в годы Первой мировой войны, отраженных на страницах педагогических журналов, идет речь в сообщении В. В. Карпова и Л. Н. Семеновй. С. И. Манжукова показала события февраля 1917 года глазами петербургской учительницы математики О. В. Синакевич. О жизни провинциальных пермских учителей и учащихся, об активизации их общественной деятельности в первые месяцы революции 1917 г. сообщила в А. А. Кальсина. На основе мемуаров С. В. Степанов показал неприятие власти большевиков ректором Института инженеров путей сообщения А. А. Брандтом, а также перипетии его судьбы в связи с выездом из революционного Петрограда и Советской России. К проблемам образования и повседневной жизни студентов и преподавателей в годы Великой Отечественной войны обратились в своих докладах Н. Д. Козлов и Л. А. Болокина. Сталкиваясь с трудностями и экстремальностью учительству приходилось и в годы мирной жизни. Об адаптации выпускниц провинциального педагогического вуза, оказавшихся по всесоюзному распределению в Восточной Сибири и на Крайнем Севере, говорилось в докладе Т. А. Мищенко. Реформа системы образования призвана преодолеть вызовы времени. Проблеме преодоления недостатков подготовки квалифицированных преподавателей для военно-учебных заведений Российской империи начала XX в. посвятил свой доклад К. В. Лазарев. Нормативно-правовое регулирование высшего образования в условиях радикальной социально-экономической модернизации 1990-х гг. стало предметом изучения О. И. Зезеговой.

Традиционно привлекают внимание доклады, посвященные проблемам семьи, женщин и детей, оказавшихся в экстремальных

жизненных обстоятельствах. О репродуктивном аспекте жизни дворянок XVIII — середины XIX в., родах в экстремальных условиях шла речь в исследовании, предпринятом А. В. Беловой. Формированию системы медицинского патронажа беременных на рубеже XIX—XX вв. был посвящен доклад Н. А. Мицюк. Острую дискуссию вызвало сообщение Л. И. Щербич об искусственном прерывании беременности как экстремальном явлении повседневной жизни. Проблема распространения кризисных явлений в институтах брака и семьи оренбургского купечества конца XIX — начала XX в. поднята в исследовании Е. В. Бурлуцкой (Банниковой). Анализ состояния семьи в освещении В. Н. Лешкова показал в своем сообщении Т. О. Чукаев. Особый интерес вызвали доклады И. В. Фроловой и И. В. Синовой, посвященные девиантности детей и подростков. Родительско-детские отношения через призму норм права и судебной практики были прослежены в выступлении Н. А. Бурдановой.

Не остались без внимания экосоциальные проблемы жизни российского общества, которые нашли свое отражение в докладах Г. Ю. Афанасьева, Р. С. Колокольчиковой.

Подводя итоги трехдневной плодотворной работы, исследователи обратили внимание на то, что данная научная конференция, несомненно, внесла серьезный вклад в методологию истории повседневности. Ведь, несмотря на то, что понятие «повседневность» активно употребляется в российской исторической науке с 1980-х гг. и в настоящее время прочно в ней утвердилось, до сих пор ведется дискуссия о его содержании и субъекте. Определенная часть исследователей пытается ограничить данные понятия только событиями обыденной сферы частной жизни людей. Исходя из такой установки экстремальное как очевидно противоположное обыденному не может исследоваться в рамках данного научного направления. Вместе с тем заслушанные доклады демонстрируют, что, составляя значительную часть жизни людей, вынуждая их осуществлять каждодневные адаптационные практики, экстремальные события, несомненно, превращаются для населения в элемент повседневности.

В отношении же субъекта исследования дискуссию вызывает вопрос о том, является ли им в истории повседневности только конкретный человек или/и социальные группы также? Участники конференции в целом согласились с оценкой субъекта и категорий повседневности.

сти, данной Н. Л. Пушкаревой и С. В. Любичанковским. По мнению этих исследователей, «в самом узком, самом точном смысле слова субъектом повседневности по-прежнему может и должен рассматриваться отдельный человек во всех своих ипостасях (возрастной, семейной, профессиональной и т. п.). Однако при этом повседневность — это процесс, который становится видимым наблюдателю только в случае, если последний рассматривает в качестве субъекта своего изучения группу людей, выделенную по определенному признаку». Таким образом, исследователи, выступавшие с докладами на полях форума, считали возможным рассматривать в качестве субъекта истории повседневности «и отдельного человека, и (очень часто) выделенные по определенным признакам группы людей» [11, 13—14].

Таким образом, прошедшая в марте 2017 г. в ЛГУ им. А. С. Пушкина международная научная конференция стала площадкой для широкого обсуждения разнообразных проблем истории повседневности, внося заметный вклад в методологию направления и способствуя привлечению новых исследователей.

* * *

1. Абдуллоев А. Р. Гражданская война в Республике Таджикистан: экстремальная повседневность начала 1990-х // Экстремальное в повседневной жизни населения России: региональный аспект (к 100-летию Русской революции 1917 г.): сб. матер. междунар. науч. конф. / под общ. ред. проф. В. А. Веремченко; отв. ред. С. В. Степанов. СПб.: Культ.-просвет. товарищество, 2017. С. 174—179.

2. Алексейчиков Н. Н. Некоторые аспекты повседневной жизни белорусских горожан в годы Ливонской войны 1558—1582 гг. (на примере г. Могилева) // Там же. С. 180—186.

3. Военная история России: люди и события (к 70-летию Великой Победы): матер. междунар. науч. конф., 12—14 марта 2015 г. / под общ. ред. проф. В. Н. Скворцова, отв. ред. В. А. Веремченко. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. 456 с.

4. Война и повседневная жизнь населения России XVII—XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): матер. междунар. науч. конф., 14—16 марта 2014 г. / под общ. ред. проф. В. Н. Скворцова; отв. ред. В. А. Веремченко. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2014. 560 с.

5. Курмышов В. М. Организация тылового обеспечения КБФ в ходе советско-финляндской войны 1939—1940 гг. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: региональный аспект (к 100-летию Русской революции 1917 г.): сб. материалов междунар. науч. конф. / под общ. ред. проф. В. А. Веременко; отв. ред. С. В. Степанов. СПб.: Культ.-просвет. товарищество, 2017. С. 212—217.

6. Левашко В. О. Комсомольцы-добровольцы: молодежь Ленинградской области в добровольческом движении в период советско-финляндской войны // Там же. С. 238—245.

7. Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: матер. междунар. науч. конф., 17—19 марта 2016 г. / под общ. ред. проф. В. Н. Скворцова; отв. ред. В. А. Веременко. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. 424 с.

8. Никитина Н. В. Повседневная жизнь жителей Смоленска в первые годы после Отечественной войны 1812 года // Экстремальное в повседневной жизни населения России: региональный аспект (к 100-летию Русской революции 1917 г.): сб. матер. междунар. науч. конф. / под общ. ред. проф. В. А. Веременко; отв. ред. С. В. Степанов. СПб.: Культ.-просвет. товарищество, 2017. С. 193—201.

9. Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни Российского общества (XVIII—XXI вв.): матер. междунар. науч. конф. 14—16 марта 2013 г. / под общ. ред. проф. В. Н. Скворцова; отв. ред. В. А. Веременко. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2013. 300 с.

10. Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX—XX вв.: матер. междунар. науч. конф. 14—16 марта 2012 г. / под общ. ред. В. Н. Скворцова; отв. ред. В. А. Веременко. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2012. 324 с.

11. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы «Анналов» к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина: науч. журнал. 2014. Т. 4. № 1. С. 7—21.

12. Фофанов П. А. Военная повседневность личного состава 2-й Тихоокеанской эскадры (на примере броненосца «Орел») во время стоянки в Носси-Бе // Экстремальное в повседневной жизни населения России: региональный аспект (к 100-летию Русской революции 1917 г.): сб. матер. междунар. науч. конф. / под общ. ред. проф. В. А. Веременко; отв. ред. С. В. Степанов. СПб.: Культ.-просвет. товарищество, 2017. С. 206—211.

АВТОРЫ ВЫПУСКА

Васильев Павел Владимирович, кандидат педагогических наук, доцент, директор института педагогики и психологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)

Веретенко Валентина Александровна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия)

Вокуев Николай Евгеньевич, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)

Волокитина Надежда Александровна, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)

Габова Мария Владимировна, аспирант кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, художественный редактор управления по связям с общественностью Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)

Гурленов Владимир Михайлович, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры немецкого и французского языков Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)

Есева Ольга Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)

Зезегова Ольга Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и методики преподавания общественно-правовых дисциплин Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар)

Золотарев Олег Васильевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)

Максимова Елена Валерьевна, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин факультета экономики управления и права Российского государственного университета туризма и сервиса, аспирант кафедры социологии Российского государственного социального университета (Москва, Россия)

Мальцева Валентина Александровна, зав. сектором по научно-образовательному сотрудничеству с иностранными студентами ближнего зарубежья Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)

Сулимов Владимир Александрович, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)

Периодическое издание

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ

Научно-образовательный и методический журнал

№ 2(24) 2017

Редактор *О. В. Габова*

Корректор *С. Б. Свигова*

Верстка и компьютерный макет *Т. В. Матвеевой*

Тех. редактор *Н. Е. Чаркова*

Выпускающий редактор *Л. В. Гудырева*

Подписано в печать 29.05.2017. Дата выхода в свет 30.06.2017.

Печать ризографическая. Гарнитура Cambria.

Бумага офсетная. Формат 60×84/16.

Усл. п. л. 6,8. Уч.-изд. л. 6,4.

Заказ № 144. Тираж 500 экз.

Адрес типографии:

Издательский центр СГУ им. Питирима Сорокина

167023. Сыктывкар, ул. Морозова, 25